Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга.
Стрела разящая

950 ГОД

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Стрела разящая

«Автор»

2015

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Стрела разящая / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2015 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-699-87513-9

Всем известна история о том, как князь Игорь, отправившись в Древлянскую землю, сложил свою голову и как жестоко отомстила врагам жена его, княгиня Ольга. Однако мало кто знает, что же произошло на самом деле. Замешаны в этой истории и ревность, и благородство, и низкое предательство... А началась она, конечно, с любви – в тот момент, когда на переправе у Свинельгородца появился незнакомый всадник, похожий на сияющего солнечного бога...

ISBN 978-5-699-87513-9

© Дворецкая Е. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Стрела разящая

Часть первая

Деревская земля, 18-е лето Володиславо

Когда мы с Соколиной впервые увидели Хакона сына Олава, то поначалу подумали, будто нашим смертным очам явился кто-то из богов – Дажьбог или Ярила.

– А может, это Сварожич? – сказала Соколина и засмеялась. – Вон, как жар горит, того гляди лес подожжет!

Она была недалеко от истины: позже мы узнали, что младший из сыновей Олава из Хольмгарда носит прозвище Логи-Хакон – или Пламень-Хакон, как звали его в дружине. Не то смеясь, не то восхищаясь, а скорее то и другое вместе.

Стоял яркий солнечный день, блики играли на воде Ужа, будто река оделась в золотую кольчугу. Мы гуляли на опушке рощи, Соколина учила Добрыню стрелять, а Малфа рвала цветы и приносила мне, так что у меня на коленях уже скопилась целая охапка. Она, конечно, тоже было захотела стрелять, но ей быстро наскучило – ведь ей тогда было всего четыре года. Земляника уже сошла, а искать грибов было еще рано, мои челядинки дремали в теньке под кустами. Соколина и Добрыня занимались своим делом, поэтому я первой увидела всадника на другом, низком берегу.

Он выплыл из зелени леса, будто солнце из тучи, – верхом на рыжем, как огонь, коне, и такие же ярко-рыжие волосы длинными волнистыми прядями спускались по его плечам до самого пояса. На нем была рубаха из алого шелка, темно-красный плащ, затканый золотисто-желтыми узорами в виде кругов. На груди, на руках, на поясе, на рукояти его рейнского меча сверкали серебро и золото. Такое увидишь не во всяком месте и не каждый день, к тому же он возник так внезапно, будто с неба. Неудивительно, что те двое едва не выронили луки, а я встала с травы, не веря глазам. Красный всадник пылал среди летней зелени, словно факел. Увидеть здесь такую роскошь было так же дивно, как на земляничном стебле среди ягод обнаружить золотой греческий перстень с самоцветом. И в то же время эта пламенная ярость среди листвы и травы не резала глаз, а скорее радовала.

В голове у меня замелькали все сказки и сказания, которых я наслушалась в детстве и сама теперь пересказывала чадам. Рыжий конь неспешно шел по каменистому берегу. Когда я вспоминаю те мгновения, мне кажется, что мы очень долго стояли и смотрели на красного всадника, будто околдованные. Это зрелище внушало ужас и восторг. Мы будто знали, что этот солнечный бог внесет в нашу жизнь губительный огонь, который сожжет ее дотла, оставив одни головешки...

Хотя откуда нам было знать? Воевода Свенельд рассказывал, что моя бабка, королева Сванхейд, хорошо умеет раскидывать руны. Я часто жалела, что меня некому было научить: даже свою мать, княгиню Малфриду, я едва помню, а хольмгардскую бабку и вовсе никогда не видела. Моя мать уехала из Киева, когда мне было всего девять лет, а через год умерла в чужой стране. Поэтому, когда еще шесть лет спустя у меня родилась дочь, я уже могла дать ей имя Малфрида. Муж и его стрый Маломир не возражали: среди древлян никто не мог этого имени выговорить, поэтому мою дочь они звали то Малка, то Малуша, однако оно указывало на родство со столь многими знатными и владетельными родами, что этим никак нельзя было

пренебречь. К тому же это перекликалось с именем ее двоюродного деда – Маломира, который получил его в наследство от своих болгарских предков по женской ветви.

– Кто бы это мог быть? – Соколина повернулась ко мне, и по ее глазам цвета недоспелого желудя было видно, что она тоже силится стряхнуть наваждение и начать рассуждать здраво. – Если это не Дажьбог к нам спустился водички попить... Твои ждут кого-нибудь такого?

– Нет. Я о таких гостях не слышала.

Такой человек – если это все-таки человек – мог направляться лишь к моему мужу, князю Володиславу, или к отцу Соколины – воеводе Свенельду. Если бы они его ждали, мы бы знали об этом: ведь я уже год как вела наше хозяйство после смерти свекрови, а Соколина лет пять была полной хозяйкой в доме своего отца.

– А вот мы сейчас узнаем! – вполголоса воскликнула она.

И прежде, чем я успела ее остановить, вскинула лук и наложила стрелу...

* * *

Когда в землю в двух шагах перед мордой коня вонзилась стрела, Логи-Хакон сделал именно то, что от него требовали: остановился. Вскинул голову, обвел быстрым взглядом берег и зелень вокруг, отыскивая стрелка. Если бы его хотели убить, то стреляли бы не в землю, поэтому оснований для испуга он не видел; но в то же время понимал, что находится на чужой, не вполне дружеской земле, поэтому ничего удивительного, если его так встречают.

Как раз в этот миг из-под ветвей за его спиной показались хирдманы; увидев стрелу почти одновременно с вождем, телохранители выбежали вперед и встали, прикрыв его щитами со всех сторон, с топорами наготове. Они тоже понимали, что убить вождя тут никто не попытается, поэтому Логи-Хакон продолжал сидеть верхом. Уперев руку в бедро, он свысока озирает окрестности с присущим ему повелительным видом.

Когда королева Сванхейд родила седьмого сына, Олав скрепя сердце дал ему имя Хакон. Он уже дважды нарекал им новорожденных сыновей, но оба умерли, не прожив и месяца. Однако это было родовое имя: его носил и отец Олава, и его дальний родич Хакон Богатый Родней, ярл Альдейгьи и муж самой старшей дочери Олава, Ульвхильд. В знатной семье, состоящей в родстве с Инглингами, в каждом поколении должен быть кто-то по имени Хакон.

Удача третьего по счету Хакона сына Олава оказалась покрепче, чем у первых двоих. Он прожил и месяц, и год; Олав сам успел вручить ему меч, и в год смерти отца Хакону исполнилось уже четырнадцать. В семье он выделялся. Все его родичи мужчины были невысоки ростом, коренасты и с рыжеватыми волосами. Родственницы – мать и сестры – были рослы и светло-волосы. И только над Хаконем богиня Фригг решила подшутить и смешала обе породы: он получился рослым и рыжим, как огонь, и по этим двум причинам в любом собрании бросался в глаза. Возможно, поэтому – а также потому, что рос младшим из троих братьев, которому едва ли достанется отцовское наследство – он усвоил вид горделивой надменности и внутренне всегда держался за рукоять своего рейнского меча, в которую были вбиты чередующиеся полоски золотой и серебряной проволоки.

Вот и сейчас он оглядывался с таким видом, будто собрался все здесь завоевать и готовился объявить об этом. Однако объявлять было некому – стрелок не показывался. Какой-то дозорный, который выстрелил с испугу, а теперь уже мчится со всех ног к основной части дружины? Тогда почему не слышно рога?

– Эй! – быстро соскучившись, крикнул Логи-Хакон. – Кто стрелял? Вот он я стою и жду тебя – долго мне еще ждать? Покажись, не бойся.

И тогда...

* * *

Едва Соколина успела пустить стрелу, как я поняла: зря она это сделала. Огненный всадник был не один. В тот самый миг, как стрела вонзилась в землю, а он натянул поводья и вскинул голову, оглядываясь, за его спиной из-за деревьев показались люди. Самые обычные «отроки оружные». Кроме мечей или топоров у пояса, в них даже не было ничего воинственного, но неужели я не узнаю людей из дружины знатного вождя – я ведь выросла на одном дворе с такими же, да и сейчас видела их каждый день. Четверо несли за плечом щиты и уже перекинули на левую руку – ясно, телохранители. В них-то не было ничего чудесного, и их вид помог мне опомниться.

– Что ты натворила! – Одной рукой прижимая к себе Малфу, другой я потянула Соколину за рукав назад; при этом отчаянно жалела, что у меня нет третьей руки, дабы поймать Добрыню, и еще двух голов, чтобы успевать следить сразу за всеми. Наверное, многие матери об этом жалеют. – У него тут дружина! Бежим отсюда!

– Да ну тебя, что ты такая робкая! – Соколина решительно выдернула свой рукав из моих пальцев. – Подумаешь, дружина! У нас тоже тут дружина!

Однако чужая дружина была в двух шагах, а наша – в Искоростене и Свинель-городце. И до них еще бежать и бежать...

Мы прятались за деревьями опушки, и пока, тем более что наш берег был выше, чужаки нас не видели. Тем не менее, двое из четырех телохранителей пристально всматривались именно в нашу сторону: они же поняли, откуда прилетела стрела. А еще пятеро у них за спинами живо изготовились к стрельбе, и теперь прямо на нас смотрели пяток боевых наконецников.

Вот тут я так испугалась, что в груди похолодело. Малфу я крепко прижимала к себе, но Добрыня был впереди меня шагах в трех. Он же мальчик, ему всего пять лет, вот сейчас он дернется – и получит примерно три стрелы. Одна была надежда: они будут целить туда, где находится грудь взрослого человека, и стрелы пройдут над его головой.

– Добрыня! – жутким шепотом позвала я. – Не шевелись!

Хорошо еще, я сообразила приказать ему именно это, потому что первым побуждением было сказать «Иди сюда».

Ну а Соколину я, конечно, проморгала. Она была моложе меня всего-то года на три и сама могла бы уже иметь парочку детей, если бы отец выдал ее замуж вовремя; тем не менее я не могла отделаться от привычки опекать и направлять ее, будто младшую сестру. Я выросла в семье брата Соколины, где не родные по крови женщины и старшие девушки опекали меня; выйдя замуж, я очутилась возле Соколины, которая как раз перед этим лишилась матери. Но когда я приехала в Искоростень, у меня сразу же, подряд, родились двое детей, потом еще один (я всего три месяца как сняла «печаль» по нему). И со всем этим у меня было столько хлопот, что Соколина большую часть времени оказывалась предоставлена сама себе и тому воспитанию, какое ей мог дать старый воевода и его дружина.

К счастью, она выросла отважной, но не сказать, чтобы совсем безрассудной. Поэтому сейчас она сделала Добрыне страшное лицо и знаком велела залечь: он пал наземь и исчез в траве, будто ящерка. Они столько раз с ним играли «в войну», где воеводой на правах старшинства была Соколина, что сейчас он повиновался с готовностью и ловкостью, которые воспитали мое материнское сердце. Наверное, в тот миг я впервые осознала, что не зря Соколина столько раз возвращала мне мое дитя, перемазанное от пяток до ушей и в порванной рубахе.

– Дренги, не стреляй! – крикнула она именно таким голосом – уверенным, но миролюбивым, – который успокоил бы отроков, если бы это был мужской голос.

Женский голос, надо думать, удивил их куда сильнее выстрела, но теперь они, по крайней мере, не спустят тетиву на первый шелест просто от неожиданности.

А Соколина отлепилась от березы, за которой пряталась, и небрежно-уверенной походкой направилась через открытый клочок берега вниз по откосу, к обрыву. Теперь они отлично ее видели. И даже я издали разглядела, как переменялись их лица. Ну, еще бы! Вместо дозорного, а еще скорее десятского, они увидели взрослую девушку с длинной светло-русой косой, одетую в зеленое платье (Свенельд терпеть не мог плахт, и Соколина свою надевала единственный раз в жизни – когда созрела и я снарядила ее в рощу на Лельник). И с луком в руке, который доказывал, что стреляла именно она!

Даже Красный Всадник переменялся в лице и тронул коня; ошеломленные телохранители расступились, и он подъехал к самому обрыву. Теперь их разделяла река, через которую Соколина могла бы перебросить камень.

– Это ты стреляла? – в изумлении спросил он. – Зачем?

По виду всадника было ясно, что он из руси – не из древлян, полян или еще каких близко живущих племен. Но по-словенски он говорил свободно, как на родном языке.

– Хотела понять, не мерещишься ли ты мне, – ответила ему Соколина. – Кто ты такой? Ты бог или смертный?

– А ты кто такая? – Всадник принял надменный вид. Вероятно, с ним нечасто так дерзко разговаривали. – Ты великанша, которая нанялась к Свенельду охранять брод?

Его отроки засмеялись, но Соколина лишь горделиво вскинула голову.

– Ты едешь к Свенельду? Не припомню, чтобы он тебя ждал!

– И тем не менее я еду именно к нему. Здесь где-то должен быть брод. Думаю, это вон там. – Он взглянул вперед по течению реки, куда вела тропа и где действительно находился брод. – Так что, я должен дать тебе шеляг, иначе ты меня застрелишь посреди реки?

Выговор его был точно как у моей матери: он говорил не «что», а скорее «цъто», у меня и самой иногда это проскальзывало. В детстве в Киеве вуй Ингвар, бывало, смеялся надо мной, что я переняла у матери «цоканье», а сам гордился, что давно от него избавился. Вновь услышать северный словенский выговор мне было приятно, хотя тогда я не осознала, что это может означать. Отметила только, что Красный Всадник еще не стар – лет на пять старше меня, пожалуй.

Отроки опять засмеялись. В смехе их явственно слышалось недоумение: они никак не могли понять, же это за чудо перед ними.

– Так я и сделаю! – откликнулась Соколина. – Оставайся там, где ты сейчас. Я предупрежу воеводу, что к нему едет такой важный гость. И он прийдет за тобой к броду.

– Здесь есть кто-то еще? – Вероятно, ему казалось глупым вести разговор с девушкой.

– Есть, есть! – успокоила его Соколина. – Мои люди последят, чтобы ты не совался за реку, пока тебя не позовут. Или ты явился сюда завоевать землю Деревскую и потому в приглашениях не нуждаешься?

– Если я решу что-нибудь здесь завоевать, то с тебя и начну!

– Пока доберешься... завоевалка промокнет! – крикнула Соколина и метнулась назад, под защиту рощи.

С того берега слышались крики, хохот, топот... К счастью, до брода им еще нужно было доехать, а я уже неслась по тропе во весь дух к Искоростеню. Добрыню я тащила за руку и иногда оглядывалась, не застряла ли где Вторушка, несущая Малфу. Соколина при желании легко бы нас всех обогнала, но бежала сзади. Будто и правда могла быть нужда отстреливаться.

Меньше всего я тогда способна была вообразить, что бегу, будто от Змея Горыныча, от собственного своего родного дяди. А ведь если бы я не была так напугана, то могла бы разглядеть в руках у знаменосца красный стяг с черным соколом – знак моих северных родичей по матери.

* * *

Как ни чудна была эта беседа через реку, обе стороны выполнили уговор: Соколина предупредила отца о гостях, а те дождались у брода, пока за ними придут. Вскоре Логи-Хакон узрел более достойного себя собеседника. На той стороне реки, меж гранитных валунов, где вновь начиналась широкая, хорошо заметная на каменистой земле тропа, появился мужчина средних лет, в угорском кафтане с квадратными узорными застежками на груди и с рейнским мечом на боку, хоть и не столь роскошным, как у гостя. Он был уже отчасти грузен, хотя еще не настолько, чтобы утратить боевые навыки; в длинных русых волосах были заплетены по бокам две косички. Широкое круглое лицо почти целиком пересекал старый шрам: он начинался на правой стороне лба, от линии волос, и шел вниз к переносице, через внутренний конец брови, спускаясь далее почти до левого края челюсти, где начиналась опрятно подстриженная борода – чуть светлее волос.

Уж этот сразу заметил стяг и прикинул, с кем, скорее всего, имеет дело. За ним шествовал его десяток.

– Я – Сигге по прозвищу Сакс, десятский воеводы Свенельда! – представился круглолицый. – Он послал меня сюда посмотреть, что за люди к нам явились, и проводить, если вы и правда к нему. Я не ошибся – это стяг сыновей Олава из Хольмгарда?

Никто не сказал бы, что Сигге держится неуважительно, но его небрежно-уверенная повадка сама собой говорила: ты, конечно, знатный вождь, ведущий свой род от Одина, но я таких видел уже сотню – живыми и мертвыми.

– Я – Хакон, сын Олава и брат киевского князя Ингвара! – Красный Всадник снова упер руку в бедро, с повелительным видом глядя через реку. – По его желанию я приехал повидаться с воеводой Свенельдом.

– Воевода Свенельд всегда рад людям от князя Ингвара, как будто это посланцы его родного сына! – с чуть издевательской сердечностью сказал Сигге. – Переходите реку, я провожу вас.

Лет десять назад, избрав Деревскую землю местом постоянного жительства, Свенельд поставил себе двор на гранитной круче за поприще от Искоростеня – дабы постоянно знать, что там происходит. Десять лет он единолично пользовался всей данью с племени древлян: князь Ингвар отдал ему этот доход ради уважения и признания заслуг воеводы, зато был уверен, в этом недружественном краю все будет спокойно. Богатством и силой Свенельд теперь не уступал и князьям: у него был большой двор – настоящий городец, укрепленный валом с частоколом и «боевым ходом», а дружина его насчитывала семь-восемь десятков человек. Часть из них жила в дружинных избах и в гриднице, часть – наиболее старая и заслуженная – обзавелась собственными дворами, семьями, хозяйством, челядью, так что среди них уже человек десять-пятнадцать сами могли выставить маленькую дружину. Название «Свенельдов» за года оболталось у древлян на языках и превратилось в «Свинель-городок», что окрестные жители произносили со сладким ехидством.

Вслед за Сигге Саксом Логи-Хакон проехал по тропе, глянул на виднеющийся невдалеке Искоростень на кручах над Ужом. Округа была богата, везде виднелось множество скота: паслись коровы под присмотром челядинов, там старуха гнала хворостиной пяток белых коз, в пруду плавали гуси. Шел сенокос, на лугах двигались белые рубахи косцов и ворошащих сено женщин в темных дергах и белых платочках. Завидев всадника, яркого, словно солнце, люди отрывались от работы и смотрели на него из-под руки. Логи-Хакон заметил, что Сигге народ кланяется, как нарочитому мужу: видимо, все это были владения Свенельда. Впрочем, примерно этого он и ожидал по рассказам старшего брата, поэтому не выказывал удивления.

Удивился он лишь, когда вступил наконец в гридницу Свенельда – и то не показал вида. Здесь ему навстречу вышла та самая девушка, которую он уже видел на реке, только вместо лука на этот раз она держала в руках приветственный рог, окованный серебром.

– Вот это девушке больше подходит! – невольно воскликнул Логи-Хакон.

Помотал головой: ему все казалось, что эта красotka – какой-то чудный морок, его преследующий. На реке она в него стреляла, здесь подносит рог в том самом доме, куда он ехал – все это значит?

Соколина успела приодеться: убедившись, что отец намерен принять Красного Всадника, она полетела в избу и там произвела привычный разгром среди своих укладок и ларцов. Натянула крашенное крушиной тонкое шерстяное платье и зеленый хангерок, отделанный красно-желтым шнуром, застегнула на плечах позолоченные застёжки с ниткой стеклянных бус между ними – первое, что под руку попало, – и помчалась проверять запасы: что есть из готового на стол.

Изумленный взгляд надменного гостя вознаградила ее за хлопоты. Как почти все сделанное им в жизни, дочь воеводе Свенельду удалась: это была рослая, крепкая девушка, живая, бойкая и решительная. Не сказать чтобы она была красавица: черты лица у нее были простые и крупные, как и белые зубы, на носу в летнюю пору золотилась россыпь веснушек. Светлорусая коса в руку толщиной спускалась ниже пояса, а взгляд желтоватых, как у ловчей птицы, глаз был так пытлив и задорен, что каждый невольно испытывал не просто желание, а горячую потребность ей понравиться и выглядеть перед ней как можно лучше.

Впрочем, для Логи-Хакона в этом ничего нового не было: он всю жизнь следил за тем, чтобы производить на людей достойное впечатление. В отличие от его собственного старшего брата Ингвара, который никогда в жизни об этом не задумывался, но тем не менее сделался мужем прекраснейшей женщины Русской земли, а заодно наследником всех владений Олава и Олега Вещего. И немало с тех пор приумножил свое наследие.

– Ну, так ты ко мне приехал или к моей дочери? – послышался откуда-то спереди низкий насмешливый голос, и Логи-Хакон опомнился.

Заглядевшись на девушку, он чуть не забыл о хозяине дома. А тот уже ждал его, сидя на высоком почетном месте.

Когда Свенельд и его воспитанник Ингвар, тогда четырехлетний мальчик, уехали из Хольмгарда в Киев, Логи-Хакон еще не родился на свет. Свенельд никогда больше не возвращался на север, а Логи-Хакон, хоть и бывал в Русской земле на Днепре, в Деревскую землю ранее не ездил и с воспитателем своего старшего брата не сталкивался. Поэтому они, связанные по жизни не менее тесно, чем кровные родичи, видели друг друга впервые. Оба, старый и молодой, обратили друг на друга равно пытливые и любопытные взгляды, хотя корни этого любопытства были разными.

Для Логи-Хакона этот когда-то рослый и могучий, а сейчас уже немного согнутый годами человек был великаном из преданий – из тех времен, когда мир был иным. Свенельд был довольно стар, его голова и борода почти совсем поседел, только брови еще оставались темными. Бронзовое лицо покрывали глубокие морщины, нос был свернут в сторону – следствие давнего перелома. Глубоко посаженные глаза цвета желудя смотрели из-под лохматых бровей, будто волки из норы. Их пристальный взгляд словно оценивал стоявшего перед ним молодого красавца, спрашивал: ну, на что годится это поколение?

Вид гридницы подтверждал рассказы о богатстве Свенельда, которых Логи-Хакон наслушался еще в Киеве. Сам хозяин был одет в кафтан зеленого шелка, затканый золотисто-желтыми узорами в виде птиц, обращенных друг к другу клювами; стоячий воротник был отделан черным собольим мехом, грудь украшали поперечные полоски тесьмы, вытканной из серебряных и шелковых нитей – чрезвычайно тонкой искусной работы. Отметив это, Логи-Хакон бросил вопросительный взгляд на Соколину, но сам себе ответил коротким покачиванием головы:

образ этой решительной и порывистой девушки не вязался с усидчивостью и прилежанием, необходимых для такого рукоделия.

У отца Хакона, Олава конунга, гридница была завешана шкурами восемнадцати медведей, которых он самолично взял на рогатину; владыка Хольмгарда помнил каждого и часто занимал гостей рассказами о тех ловах, показывая дыры от ран, которые нанес косматым противникам. У Свенельда же бревенчатые стены дружинного покоя были покрыты драгоценными одеждами: расправленными плащами из цветной шерсти, с отделкой из дорогого шелка, кафтанам и платьем из самита. Неудивительно, что хозяин желает похвастаться таким богатством, но Логи-Хакон мельком подумал: похоже на «шкура» врагов, добытые на лову ратного поля. На иных вещах были вытканы или нашиты узоры в виде крестов: Логи-Хакон знал этот знак Христовой веры, нередко украшающий добычу из христианских стран.

Но еще более, пожалуй, на Логи-Хакона произвели впечатление те рубахи, плащи и кафтаны, что не висели на стенах, а облекали могучие плечи своих хозяев. На скамьях за столами сидели десятки людей – оружники Свенельда. Ни на ком, как с изумлением заметил гость, не было обычной некрашеной одежды домашнего изготовления. Все были одеты в греческое и варяжское платье: фризская крашенная шерсть, полоски яркого самита на вороте и рукавах. Пояса с серебряными бляшками, хорошие мечи на плечевых перевязях, в том числе рейнские. Серебряные браслеты и перстни. И под стать этим дорогим и даже драгоценным металлам сверкали глаза этих людей. Со всех сторон на Логи-Хакона были устремлены твердые и острые, как лучшая сталь, пристальные взгляды тех, кто помог Свенельду во множестве походов и сражений раздобыть все эти богатства и заслуженно получил свою долю. Логи-Хакон чувствовал себя будто под прицелом пяти десятков стрел и сулиц. Но он не был бы достойным потомком своих предков, если бы дал понять, что ему не по себе.

Слухи не обманули: Свенельд и вправду был очень богат. Но Логи-Хакон, внук и правнук конунгов, верно оценил, в чем заключается истинное богатство старого воеводы. Этому богатству не зазорно было и позавидовать в душе.

– Будь жив!¹ – приветствовал его Свенельд. – Ты, стало быть, Пламень-Хакон? Похож на мать.

Старик не видел королевы Сванхейд уже без малого три десятка лет, и в его памяти она сохранилась молодой. Поэтому сходство с ней младшего сына, которого он впервые увидел почти в том же возрасте, в каком ее – в последний, было ему даже более очевидно, чем самому Логи-Хакону. И от этих воспоминаний лицо воеводы смягчилось, так что даже Соколина это заметила и бросила на Логи-Хакона взгляд, полный нового любопытства. Чем этот красавчик сумел растопить сердце Свенельда, твердое, как гранитные лбы над Ужом?

– Ну, как она сейчас? – Об Олаве Свенельд, естественно, не спрашивал, поскольку знал, его бывший вождь мертв уже лет десять. – Садись, рассказывай.

Логи-Хакон был усажен на второе почетное место напротив хозяйского: близкое родство с князем Ингваром давало ему право на почет в любом из самых знатных домов Русской земли. Соколина поднесла ему кубок с пивом, сваренном на сосновой пыльце, что подают только в конце весны. Кубок был ничуть не хуже тех, из которых его угощала невестка Эльга в Киеве – серебряный, греческой работы, с чеканными узорами и самоцветными камнями по всей окружности боков: лиловыми, зеленоватыми, желтыми, голубыми, пламенно-красными.

Тем временем челядинки несли на стол блюда: из ярко расписанной глины, из чеканной меди и даже серебра. На блюдах лежали пироги с рыбой и дичью, хлеба было такое изобилие, будто на дворе и не начало лета – та пора, когда у людей старей хлеб кончился, а до нового

¹ «Будь жив!» – собственно говоря, это перевод на современный русский язык былинного приветствия «гой еси». (Здесь и далее – примечания автора).

еще терпеть и терпеть. Сквозь отволоченные оконца долетал запах вареной рыбы и жарящегося мяса из поварни.

Логи-Хакону было весьма любопытно увидеть своими глазами все то, о чем так много говорили в Киеве, но он знал: не пристало сыну конунга тарашиться на чужое богатство, отведав челюсть, будто разява из чудской глуши. С невозмутимым видом он рассказывал новости севера. О Хольмгарде, где жила госпожа Сванхейд. О новом городце, что второй год строили почти напротив него, через Волхов, для ее внука Святослава, Ингварова сына; его иногда называли Святославль, но чаще просто Новгород. О Свинческе на верхнем Днепре и о заложенном неподалеку от него становище – Смолянске, где теперь останавливалось зимой полюдь Ингвара и где поселился Тородд, средний сын Сванхейд. О Зорин-городце, где сам прожил последние два года.

– Ты, стало быть, обзавелся собственными владениями? – усмехнулся Свенельд.

Конечно, он вспомнил, как сам, лет пятнадцать назад, вместе с молодым и неженатым тогда Ингваром, разбил в сражении перед Зорин-городцом его последнего родового князя – Дивислава.

– Я управляю той землей по решению Ингвара, – подавляя неудовольствие, ответил Логи-Хакон. К его чести, он не видел повода для гордости в том, что ему отдали владения, в завоевании которых он не принимал никакого участия. – Однако не думаю, что там нужен собственный князь. Это так близко от владений моей матери... то есть Святослава, – поправился он, и по лицу его скользнула тень. – А Святослав вполне может наблюдать за устьем Ловати и сам. Он ведь уже взрослый мужчина и носит меч. Нет нужды держать там другого человека королевского рода.

– А ты собираешься отправиться за подвигами и славой? – насмешливо подхватил Свенельд. – За этим ты сюда и прибыл?

Во время их разговора Соколина стояла возле отцовского сидения, будто еще одно, самое ценное украшение. Сейчас она не улыбалась, а так же пристально разглядывала гостя, немного исподлобья, как маленький ребенок, который и стесняется незнакомца, и все же хочет его рассмотреть. И от ее взгляда Логи-Хакону было так же неуютно, как под волчьим прищуром ее отца.

– Князь пожелал, чтобы я познакомился с этими краями и здешними людьми, – вымолвил он.

Однако видно было, что ему неловко. Те слова, которые он приготовил по дороге, оказались слишком пусты и неубедительны, а потому и неучтивы, чтобы он решился произнести их перед лицом этого человека.

Свенельд заметил его неуверенность: возможно, с возрастом воеводе стали изменять силы, но не проницательность и чутье, без которых он бы столько и не прожил.

– Может, ты там убил кого? – невозмутимо осведомился он.

И во времена его молодости, да и сейчас, это была весьма частая причина, по которой молодые мужчины знатного рода покидали родные края.

– Нет, – Логи-Хакон взглянул на хозяина с недоумением. – Почему ты так думаешь?

– А потому... – Свенельд еще некоторое время изучал его, потом продолжил. – Здесь, конечно, недурное место, но не настолько, чтобы молодец вроде тебя ездил его смотреть. Ингвар прислал тебя посмотреть *на меня!* А это означает одно из двух... – Он еще помолчал. – Или Ингвар перестал мне доверять... стал беспокоиться, что я тут снюхался с древлянами и собираюсь его предать... – Логи-Хакон вздрогнул и невольно вытаращил глаза на хозяина. – Или он думает, что я старый трухлявый пень, который рассыплется от первого чиха! – С нарастающим гневом, все громче восклицал Свенельд, и Логи-Хакон с трудом заставил себя спокойно сидеть на месте. – И думает, что мне нужен для подпорки дубок вроде тебя! Однако не настолько уж

я дряхл, чтобы он посмел сам сказать мне это в лицо – я-то живо вышибу из него дурь, как прежде бывало, и он убедится, что рука моя еще крепче, чем у девчонки!

И он грохнул кулаком по подлокотнику с такой силой, что резное сидение содрогнулось. На этой руке, как сейчас заметил Логи-Хакон, не хватало двух пальцев.

– И я хочу знать, – Свенельд подался ближе к гостю, наклонившись вперед, – кто меня так оболгал перед парнем, которого я – я! – когда-то учил держать меч! И выучил! Кто?

– Не кричи на меня! – не выдержал наконец Логи-Хакон и встал. – Ты стар, и я у тебя в гостях, но если тебе неуютен такой гость, то я не намерен терпеть оскорбления, лишь бы сидеть за твоим столом!

– Отец, успокойся, – Соколина положила руку на Свенельдов кулак. – Он здесь ни при чем. Он-то не мог тебя оболгать, потому что никогда раньше не видел.

Воевода перевел дух и потянулся за своим кубком. Кубок на высокой ножке был истинным чудом – изделие искусных греческих мастеров, он был вырезан из полупрозрачного камня такого цвета, как будто темный вересковый мед размешали со сливками и так он застыл. Оформление верхнего края, ножка и подставка были из золота с разноцветной эмалью. Мистина, старший сын Свенельда, девять лет назад привез его в числе другой добычи из похода по Греческому царству и преподнес в дар отцу. Кубок, особенно полный, был уже тяжеловат, и рука Свенельда дрожала, когда он подносил его ко рту: греческое же вино плескало через край и лилось на его белую бороду. «Будто кровь», – мельком подумал Логи-Хакон.

Выпив, Свенельд перевел дух и постарался успокоиться. С возрастом он стал вспыльчив, обидчив и подозрителен.

– Сядь! – повелительно, но уже без прежней горячности сказал он. – Прости. Не хватало мне еще дожидаться вызова на поединок в собственном доме, да еще от... – Он не то засмеялся, не то закашлялся, пытаясь подавить смех, – от ма... от мужчины, который еще на свет не родился, когда я...

Он замолчал, понимая: дыхания не хватит перечислить все то, что он совершил, пока Логи-Хакон еще не родился на свет.

Видя по лицу хозяина, что тот и правда успокоился, Логи-Хакон сел на прежнее место. Его замкнутый вид не выражал желания продолжать беседу, и Свенельд уже хотел предложить ему пойти в гостевой дом отдохнуть, но им помогло появление боярина Житины – близкого к князю Володиславу человека.

– Князь кланяется, – Житина почтительно поклонился Свенельду и кивнул Соколине, двинув бровью, дескать, и тебя не забыли. – Велел спросить, по добру ли доехал Якун Улебович, и просит его пожаловать на пир к нам в Искоростень.

– Уже проведаль! – хмыкнул Свенельд, впрочем, без удивления. Не только он наблюдал за происходящим в Искоростене, но и деревский князь не менее внимательно наблюдал за ним. – Что же – пойдешь?

Он взглянул на Логи-Хакона, и тот уверенно кивнул, потом посмотрел на Житину:

– Передай поклон и благодарность князю Володиславу. Я буду рад видеть и его, и мою племянницу, княгиню Предславу, и прочих его домочадцев.

* * *

Благодаря этому приглашению дальнейшая беседа пошла мирно.

– Ты сказал – племянницу? – повторила Соколина, когда Житина удалился. – Предслава – твоя племянница?

По годам Логи-Хакон скорее годился быть старшим братом ее подруги, а мысль об их близком родстве дошла до нее только сейчас.

– Ну да. Ее мать, Мальфрид, была самым старшим ребенком у нашей матери, Сванхейд, а я – одним из последних.

– Но она не знает тебя! – Соколина видела, что явление Логи-Хакон над рекой удивило Предславу не меньше, чем ее саму.

– И я ее не знаю. Она ведь родилась в Киеве и никогда не бывала в Хольмгарде, а я бывал в Киеве всего два раза, но в то время она уже вышла замуж и уехала.

– А кто твоя жена? – полюбопытствовала Соколина, которой, как быстро заметил Логи-Хакон, в этом доме вообще предоставили удивительно много воли.

Она разговаривала так уверенно и свободно, будто была воеводой, а не девицей, пусть и хозяйской дочерью.

– У меня нет жены, – сдержанно ответил Логи-Хакон и слегка поджал губы, намекая на нежелание говорить об этом.

В глазах Логи-Хакон, устремленных на Соколину, читался сходный вопрос. Девушка уже несколько лет как вошла в возраст, годный для замужества, и странно было видеть, что воевода держит при себе такую дочь, здоровую и крепкую, богами предназначенную для материнства.

– Если ты думал найти себе жену здесь, – прервал его мысли голос Свенельда, – то сразу забудь об этом!

В голосе его вновь прорезался гнев, и Логи-Хакон с удивлением взглянул на него. В душе он досадовал на проницательность старого тролля, не сообразив, что до него уже очень многие смотрели на Соколину с теми же мыслями и не требуется особой проницательности, дабы их угадать.

– Я не собираюсь выдавать ее замуж! – продолжал Свенельд. – Ни за тебя, ни за кого другого! Может, ты спросишь сначала, кто ее мать? Я скажу тебе – полонянка, я привез ее от уличей, когда мы спровадили в Хель князя Драгобая! Вон висит шкура, что я снял с него!

Он ткнул в плащ на стене, широко раскинувший красные крылья с золототканой отделкой, чуть порванный там, где прикалывают застёжку. И Логи-Хакон содрогнулся, поняв, что его догадка оказалась верна: Свенельд развешивал по стенам дорогие одежды с плеч поверженных знатных недругов, как другие – волчьи, рысьи и медвежьи шкуры.

– Может, ты спросишь, из какого она была рода? – продолжал старик, хотя на замкнутом лице гостя не отражалось желания что-либо спрашивать. – Я скажу тебе – не знаю! И знать не хочу! Мне никогда до этого не было дела! Ее мать была моя челядинка! А теперь девка занимается хозяйством – это лучше, чем мне на старости лет торговать у кого-то знатную жену для себя и терпеть ее причуды! И пока я жив, моя дочь будет здесь хозяйкой! А когда меня закопают, у нее останется брат, мой старший сын, тот, что в Киеве! Вот пусть к нему и идут все желающие взять ее в жены. Но только когда меня закопают.

– Так ты заставил меня... – в негодовании начал Логи-Хакон, но сдержался.

Похоже, старый тролль принял его в доме только для того, чтобы оскорбить всеми возможными способами! Заставил его, сына и брата конунгов, принять рог из рук дочери рабыни! То, что Логи-Хакон и сам смотрел на нее с полусознанным восхищением, теперь только увеличивало досаду. Но кто мог бы догадаться? Эта свобода, уверенность, цветное платье, ожерелье из красных, желтых и сердоликовых бусин, узорные кольца на очелье с серебряной зернью, какие делают в Моравии! Он еще в Киеве слышал беглое упоминание, что у воеводы Мистины есть сестра, но подумал тогда, что она от той же матери!

Но Соколина, которой полагалось бы смутиться, с вызовом смотрела в его раздосадованное лицо. Ей подобало бы стыдиться своего происхождения от пленницы, но она была скорее рада, ибо оно служило ей защитой от навязчивых сватов. Люди высокородные не взяли бы в жены дочь рабыни, людям низкого рода Свенельд сам ее не отдавал. Пока она хорошо вела хозяйство, Свенельду не было дела до того, что она любит носиться верхом по берегам Ужа и

стрелять из лука в цель, состязаясь с отроками его дружины. Это неопределенное положение, проклятье для ее сводного брата Люта, для Соколины обернулось счастьем полной свободы.

Кроме того, Свенельд просто был к ней привязан. К концу долгой и бурной жизни он пришел, будучи знаком всего с тремя своими детьми. Первым был его сын Мстислав, или Мистина, родившийся от младшей дочери ободритского князя Драговита. Этим родством Свенельд гордился и за жену, взятую когда-то как пленница, принес ее родичам выкуп, благодаря чему брак стал законным. Вторым был Лют – сын от рабыни, сейчас отправленный с товарами в Царьград. О рождении же Соколины Свенельд узнал, когда ей было уже три года: ее мать была в числе прочей добычи отправлена им в Киев, пока сам он еще оставался под Пересеченом. Вернувшись из похода лишь четыре года спустя и вновь вступив во владение своим имуществом, он обнаружил, что оно несколько возросло. Мать девочки, уличанка Владива, была так хороша собой, что Свенельд ее не забыл и вновь приблизил к себе. Крепкая, крупная, резвая девочка, рожденная ею за время его отсутствия, сразу пришлась ему по сердцу, хоть он и не признавался в этом. Он даже сам дал ей имя – Вальдис². Девочка росла, играя с мальчишками в дружине и уверенно поколачивая сверстников; смеясь, хирдманы стали звать ее Соколиная Дева, из чего в конце концов и получилось имя Соколины, заменившее прежнее. Владиву и дочь Свенельд забрал с собой десять лет назад, отправляясь из Киева в Деревскую землю. Здесь Соколины выросла и после смерти матери заняла место хозяйки дома. Уже лет пять люди намекали Свенельду, что охотно посватались бы к ней, но он всем с таким торжеством тыкал в лицо незаконным происхождением девушки, будто нарочно пытаясь оскорбить ее будущего мужа. И женихи отступали: было ясно, что это последнее сокровище своей старости, когда драгоценные одежды, золотое узорочье и прочее такое уже не имеет цены, воевода не намерен уступать никому.

– Послушай! – заговорил Логи-Хакон, усилием воли взяв себя в руки. – У меня и моих братьев был отец, которым всякий мог бы гордиться, но для Ингвара ты сделал не меньше, а то и больше, чем иной отец. Именно тебе, и никому другому, он обязан своим нынешним положением. Он помнит об этом, и ты, кажется, не имеешь причин сомневаться в его благодарности. Я приехал сюда с намерением выказать тебе все уважение, которое требуют твои заслуги перед нашим родом. И мы так мало знакомы, что я не знаю, чем успел заслужить твое нерасположение. Скажи мне об этом прямо, и я исправлю свой промах, если сумею, а если нет – уеду. Я не бродяга, чтобы навязываться в гости к людям, которые не желают меня видеть за своим столом.

Свенельд имел не меньше оснований говорить прямо, и уж у себя дома мог не бояться хоть самого Кошея. Но на эту речь ему было нечего ответить. Он обращал свое негодование не столько к тому человеку, кто сидел сейчас перед ним, сколько ко всей этой новой поросли, которая, как он отлично понимал, пожирает жадными глазами все, что у него было: славу, богатство, положение, дочь. А силы для защиты всего этого, как он знал, с каждым годом таяли все быстрее...

– Да, – обронил наконец Свенельд. – Сделал я для вас немало. Для вас всех. Особенно для Ингвара. И даже для Мальфрид – больше, чем она успела узнать. Я рад, что ты не боишься прямо говорить со мной. Может, мы еще и поладим. Налей ему еще. – Он повернулся к Соколине. – Или ты, – он придержал ее за рукав, когда она уже было двинулась с места, чтобы взять кувшин, – больше не пожелаешь пить вино, если его нальет тебе дочь рабыни?

Он ухмыльнулся, с насмешливым вызовом глядя на гостя, будто проверял, не весь ли свой задор тот растратил.

– Если уж ты принимаешь кубки из ее рук, то и для меня не будет урона чести... – ответил Логи-Хакон, мысленно завязывая узелок для памяти. – Пока я у тебя в гостях...

² Вальдис – от *древнесканд.* «valg» (сокол) + «dis» (богиня, дева). (Прим. авт.)

Спасибо тебе, брат Ингвар! Похоже, эта поездочка была сродни тем поручениям из сказаний, с которыми отправляют неугодного родича, чтобы он не вернулся!

* * *

Замысел этой поездки принадлежал Ингвару. Он, похоже, удивился, обнаружив, что его младший брат, рожденный после его отъезда из отчего дома и виденный им лишь несколько раз, уже стал взрослым мужчиной и ему требуется дело, достойное его рода, предков и собственных качеств.

– Тородд со своей дружиной перешел в новый город Смоленск. Твой сын Святослав теперь строит свой город во владениях нашего отца, наша мать помогает ему мудрым советом, – рассказывал Логи-Хакон. – Мне ты позволил поселиться в Зорин-городе, но он столь мал и столь близок к Хольмгарду, что я, честно говоря, не вижу там себе достойного занятия. И я подумал, что, возможно, ты найдешь для меня какое-то дело, более важное и достойное сына твоего отца.

Даже сам Ингвар, не говоря уж о его умной жене и проницательном воеводе, понимал чувства Логи-Хакона. Когда до Хольмгарда дошла весть о походе на смолянские земли, Логи-Хакон готов бы устремиться туда вместе с двоюродным братом, Альдин-Ингваром ладожским, надеясь на славу и добычу. Но они опоздали и сумели лишь добить бегущих с поля боя союзников смолянского князя Сверкера. Земли днепровских кривичей, перешедшие теперь под руку киевского князя, оставались желанной наградой для любого из его родичей, но этих родичей было больше, чем земель: на Ильмень в тот же год приехал подросший сын Ингвара, а средний брат Тородд, не желая делить свою власть с отроком-племянником, попросил у Ингвара Смоленск. Самому младшему из братьев остался Зорин-городец – слишком маленький, чтобы вместить его честолюбие. Логи-Хакон вознамерился съездить в Греческое царство – если не отличиться, то хоть мир посмотреть. Но Ингвар задумал для него кое-что другое.

– У меня есть для тебя поручение, – сказал он. – Оно не трудное, но важное. Ты ведь никогда не видал старика Свенельда?

Знаменитого воеводу Логи-Хакон никогда не видел, но слышал о нем немало: и от матери, и от других. Все знали, что за многие года тот скопил большие богатства и набрал силу, пожалуй, не меньшую, чем те люди, что звались конунгами в своих владениях и опрашивали собственных посллов к греческому василевсу.

– Вот и познакомись. Погляди, как он там устроился, в Деревской земле. Поживи у него, приглядишься к тамошним людям. Может, и пригодится со временем.

Логи-Хакон ждал, когда ему объяснят суть поручения, но Ингвар молчал: он уже все сказал. По лицам княгини и воеводы Мистины, тоже присутствовавших при этой беседе, Логи-Хакон видел: эти двое понимают замысел Ингвара гораздо лучше, чем он. Причем в зелено-вато-голубых глазах Эльги светилось одобрение, а в стальном взоре Мистины – напряжение, за которым пряталась досада.

– Чего ему делать у древлян? – воскликнул воевода. – Там все мирно и спокойно, сколько я знаю. Лучше возьми его с собой в степь. Вот там отважный человек найдет применение своей доблести!

– В степи я сам справлюсь, – нахмурился Ингвар. – Я хочу, чтобы он повидался со Свенельдом.

– Мой отец – не красна девица, чтобы этикие молодцы ездили на него смотреть! Под старость у него стал тяжелый нрав, – настойчиво напомнил Мистина, многозначительно глянув на Логи-Хакона. – Знакомиться с ним – не такое уж удовольствие, и чужому человеку нелегко с ним поладить.

– Но Хакон вовсе ему не чужой! – горячо возразила Эльга, будто боялась, что младший деверь испугается и не поедет. – Вся наша семья ему родня. Он сделал для Ингвара больше, чем делают иные родичи, и невестка твоего отца – моя сестра.

Княжеская семья часто и охотно поминала прежние заслуги Свенельда и их родство, словно старалась никому не дать о них забыть. Эльга считала такое поведение мудрым, и Ингвар был с ней согласен.

– Тем не менее, человеку королевского рода, который у моего отца не воспитывался, будет с ним нелегко! – Мистина подавил досадливый вздох. – Я бы поехал с тобой сам, так было бы лучше, но я должен оставаться в Киеве, пока князь уезжает...

– Хакон справится без нянек! – Ингвар усмехнулся и хлопнул того по плечу. – Ему на роду написано совершать и не такие еще подвиги – он ведь мой родной брат!

– Во владениях моего отца он себе подвигов не найдет! – Мистина видел, что эта мысль прочно засела в голове у князя и расставаться с ней он не хочет. – Эта поездка будет только пустой тратой времени!

– А я хочу, чтобы мой брат съездил к древлянам! – Ингвар уперся ладонями в стол и в упор глянул на своего воеводу.

– Тебе чем-то не нравится, как там обстоят дела? – Мистина тоже встал и уперся в стол.

Теперь он глядел на князя сверху вниз, потому что был выше ростом на целую голову. Ингвар привычно отшатнулся, чтобы избежать сравнения, и Эльга усмехнулась: она столько раз видела это. За много лет эти их движения были так отработаны, что напоминали хорошо знакомый танец. Знающие друг друга с младенчества побратимы не могли перестать бодаться и сейчас, на четвертом десятке лет. Один из них был выше положением, другой – ростом; они не могли отказаться от вечного соперничества, но тем не менее крепко держались друг друга.

– Ты сам все знаешь. Твой отец стар.

– Мой отец стар, но любого из молодых заткнет за пояс. И тебя, и меня, и кого угодно. Не стоит раздражать его попусту.

– Ты собираешься к древлянам сам?

Они оба знали, что Ингвар имеет в виду. Мистина помедлил, поджал губы, словно воздерживаясь от ответа, и опустил глаза. Ингвар усмехнулся: он победил. Да и как иначе: в конце концов, кто из них двоих – русский князь?

– И все же я не стал бы так спешить, – сказал Мистина. – Мой отец...

– Я знаю! – Ингвар поднял руку. – Твой отец крепче хортицких дубов и сейчас еще, если поднатужится, поднимет нас с тобой обоих за шкуру, как раньше. Но древляне должны точно знать – он не последняя моя опора.

Тогда Логи-Хакон мало понял из этого разговора. Чуть позже, когда Мистины не было рядом, Ингвар разъяснил брату суть дела.

– Свенельд получает всю дань с Деревской земли. Он собирает мыто с торговцев, которые едут в Моравию и дальше, и от нее отдает мне только половину, а половину оставляет себе. Баварской солью торгуют только его люди. По нашему уговору, так будет до самой его смерти. Но он стар. Мои дренги только потому и терпят, что ждать недолго. Когда он умрет, деревская дань будет моей, и три четверти мыта тоже будут мои. Но кто-то по-прежнему должен будет все это собирать и присылать мне сюда. Лучше иметь своего человека с дружиной там, чем самому ездить туда каждый год. И этот человек будет получать на себя и дружину треть нынешнего. Мистина туда ехать не хочет, ему больше нравится быть вторым в Киеве, чем первым – где-нибудь у лешего в заднице. И он нужен мне здесь. Если хочешь, я отдам древлян тебе. Там уж ты не заскучаешь! Они всегда ненавидели полян, а теперь ненавидят русов. Только и ждут, чтобы наш старик присел на сани³, и тогда устроят какую-нибудь свару,

³ Присесть на сани – умереть. Аналогично «присесть на дрова», то есть погребальный костер.

чтоб у меня рука отсохла! Эльга... я надумал, нужно послать туда верного человека, еще пока старик жив. Если сумеешь прижиться и перенять у него все дело, пока там спокойно...

– Но своему брату ты мог бы выделить и побольше, чем треть, – заметил Логи-Хакон. – Раз уж чужому человеку отдал все целиком на столько лет!

– Не мог бы! – отрезал Ингвар. – И Свенельд тут не чужой. Он разбил древлян, еще пока я был в тех годах, как Святша сейчас. Если бы не он, только бы мы и видели ту деревскую дань! Она его по праву, и мы ему за то еще должны, что он признал наследником меня, киевского князя, а не своего сына родного! А гриди мне уж сколько лет пеняют... особенно те, что за последние десять лет пришли и не помнят... И мне уже всю голову прогрызли с той солью баварской – ты понимаешь, какими деньгами тут пахнет? Короче, если я после Свенельда эту дань не возьму, тут снова будет... как перед первым греческим походом. Так если хочешь – бери треть, не хочешь – поезжай на Ловать обратно.

Логи-Хакон выбрал Деревскую землю. И не потому, его прельщала треть здешней дани. Ингвар был уверен, что здесь его ждут трудности, а Логи-Хакон нуждался именно в этом.

Вспоминая эти разговоры, досадовал он только на одно обстоятельство. Почему, велс их побери, никто – ни Мистина, ни Эльга – не предупредили его, что у старика имеется такая дочь? Все эти бояре и боярцы – Избыгневичи, Гордезоровичи, Дивиславичи – столько говорили о греческом платье и дорогом оружии Свенельдовой дружины, но ни словом не помянули о ней!

Если бы его спросили, почему он счел это настолько важным, он бы не сумел ответить. И все же, когда он вспоминал обо всем, что успел здесь повидать, перед мысленным взором сразу вставала Соколина – девушка в зеленом платье и луком в руках над речным обрывом... Та же девушка с блестящими застежками и бусами на груди подает ему окованный серебром рог... Ее пристальный взгляд во время его спора со Свенельдом...

А Эльга ничего не сказала о Соколине, потому что вовсе о ней не думала. Рожденная от ключницы девушка для нее мало отличалась от любимой Свенельдовой собаки. Не то что многочисленные племянницы, которым она начинала мысленно подбирать мужей, едва им впервые заплетали косичку. Что же до собственной дочери Браниславы, которую Эльга родила всего лишь минувшей осенью, то ее княгиня держала в руках с таким чувством, будто завладела величайшим сокровищем. У нее пока не было на этот счет ясных замыслов – кто же знает, как оно все будет лет через пятнадцать? – но в мечтах о будущем дочери та виделась ей восседающей где-то среди богов, в таком же убранстве из белизны облаков и золота солнечного света...

* * *

Из сеней слышались неразборчивые голоса и восклицания. Муж уже все знает – расскажет мне или нет?

– Это Якун, младший брат Ингоря киевского! – объявил Володислав, вернувшись в избу. – Видать, прислал его посмотреть, не помер ли старый пень.

– Младший брат Ингоря? – В изумлении я встала с места, но тут же опять села: мы с Володиславом были одного роста, и поэтому он предпочитал разговаривать со мной, когда он стоял, а я сидела. – Так он, выходит, мой дядя?

Брат Ингвара киевского тем же образом приходился братом и его старшей сестре Мальфрид – моей матери. Я невольно оглянулась, будто могла отсюда, из Искоростеня, снова увидеть то, что видела на берегу Ужа, но так плохо смотрела.

– Да, верно! – сообразил Володислав. – Тогда нам придется позвать его в гости. Сейчас же пошлю туда кого-нибудь.

Он кликнул отроков, чтобы отыскиали Житину. А сам, отправив посланца, принялся в беспокойстве расхаживать по избе.

Несмотря на невысокий рост и легкое сложение, мой муж был весьма хорош собой: правильные, крепкие черты лица, жесткий подбородок, дававший знать, что это мужественный человек. Высокий, широкий лоб был, пожалуй, немного велик для лица, но говорил об уме, решимости и упрямстве. А широкие брови внешним концом слегка нависали над углом глаза, и от этого, когда я смотрела ему в лицо, мне казалось, будто прямо надо мной парит черный коршун на своих присогнутых крыльях. Вот только взгляд светло-серых Володислава глаз был не как у коршуна. В нем часто проглядывала усталость, немного досады, немного грусти.

Я наблюдала за мужем, взволнованная и обрадованная: мне так редко случалось видеть родичей с материнской стороны, а с Хаконом мне к тому же предстояло встретиться впервые. Вот я сглупила: пустилась бежать, вместо того чтобы толком поговорить с ним! Чего я испугалась? Да разве наш Красный Всадник походил на человека, замыслившего причинить кому-то зло?

Брат моей матери! На северном языке это будет «модурбродир». Наверное, они там, в Хольмгарде, и сейчас говорят на северном языке. Детство мое прошло среди киевских варягов, и я тоже знаю их язык, хотя не воспринимаю как родной. Но сейчас это слово, сразу всплывшее в памяти, так же воскресило передо мной и образ матери в такой ясности, в какой он давно не приходил ко мне. Я даже услышала ее голос. В груди защемило, запросились горячие слезы – радости и грусти одновременно.

– Пожалуй, это удача, что ты с ним в родстве. – Муж остановился прямо передо мной и повернулся. – Будь с ним поприветливее, слышишь? А, да ты и сама рада, будто яйцо снесла! – Он махнул рукой, взъерошил свои светлые волосы, которые и без того обычно стояли дыбом над высоким лбом. – Когда он будет здесь, расспрашивай его обо всем. Ты знаешь, где он жил раньше?

– В Хольмгарде. Потом вроде в Зорин-городке.

– А почему оттуда уехал?

– Не знаю.

– На ком он женат?

– Тоже не знаю, – развела руками я.

Володислав досадливо скривился. Ну а я чем виновата? Это ведь он не пускает меня в Киев, где я могла бы повидаться с ближними родичами и разузнать что-то о дальних! От нас до Киева было не так уж далеко, но за шесть лет замужества я побывала там только дважды. Первый раз меня отпустили туда два года назад, когда моя золовка Деляна (мы обе с ней выросли в Киеве) выходила замуж за Ингварова двоюродного брата из Ладogi, тоже Ингвара; и второй раз, минувшей осенью, когда сама киевская княгиня Эльга родила девочку – своего лишь второго ребенка, которого ожидала долгих двенадцать лет. В тот же год исполнилось двенадцать ее первенцу, княжичу Святославу. На вручение ему меча я бы тоже с радостью съездила, но отпускать меня туда Володислав и Маломир сочли излишним.

– С тобой он будет поразговорчивее, – продолжал муж. – Я хочу знать, зачем Ингорь его прислал. Конечно, так прямо он едва ли скажет, но попробуй выяснить: где он сейчас живет, где собирается жить. На ком женат, на ком думает жениться. Судя по виду, он человек гордый, а такие любят поговорить о себе. Намекни, как рада будешь, если твой близкий родич поселится возле нас. И смотри, как он это примет. Я тоже буду смотреть.

– Но почему ты думаешь, что он должен поселиться возле нас?

– Если бы все твои родичи были так же глупы, как ты, я спал бы спокойно! – сказал мой муж с видом такой утомленной мудрости, будто ему было пятьдесят лет, а не двадцать (мы с ним ровесники). – Но тут и чадо пятилетнее поймет: Ингвар надумал посадить нам на шею этого рыжего! Свенельд стар, не сегодня-завтра на дрова приляжет. На его мерзкую образину даже Маре смотреть тошно, вот она все и не идет за ним. Но когда-нибудь и самый живучий гад подохнет. А когда он помрет, что будет с нашей данью, ты подумала? А, тебе-то зачем? –

Володислав махнул рукой. – Ингорь хочет посадить вместо него своего младшего брата, чтобы все пошло по-старому. Эти люди убили твоего деда, изгнали твоего отца, уморили на чужбине твою мать, а теперь собираются и детей твоих ограбить и поработить! Твои дети всю жизнь будут холопами киевскими, ты понимаешь это?

Я зябко обхватила себя за плечи, будто муж не речь передо мной говорил, а лил на меня холодную воду. Как я не любила обо всем этом вспоминать! Каждый из нас славен по роду своему. А что делать с такими, как я? Брат моей матери отнял власть над Русской землей у моего отца, и мой дед по отцу, Предслав Святополкович, не пережил этой свары. Моя мать умерла в изгнании всего через год после этого. Но Ингвар, Эльга и их сын Святослав – по-прежнему моя ближайшая родня.

Но и это не все. Мой прадед, Олег Вещий, немало воевал с Деревской землей, а после него – и мой отец, и Ингвар тоже. Заключая мир, отцы обручили меня и Володислава, еще трехлетних детей. Его отец, князь Доброгнев, тогда уже погиб в сражении. Из четырех братьев Доброгнева в живых оставался лишь самый младший, Маломир. Но мой отец настоял, чтобы наследником Доброгнева стал не брат Маломир, а сын – Володислав. Таким образом, новым князем древлян становился зять киевского князя.

Нашу свадьбу справили перед заключением договора с греками: тогда мир был обеим сторонам выгоднее ссор. Нам с Володиславом было по четырнадцать лет, и мы оба хорошо знали, почему «не хочу» и почему «так надо». Для нас обоих этот брак был как вылазка во вражеский стан. В четырнадцать лет я стала княгиней обширной и многолюдной земли Деревской, но свекровь и тетка Гвездана – жена Маломира, следили за каждым моим шагом. Две бабки ели меня поедом, ненавидя во мне весь «род русский». И я выдержала только потому, что во мне и правда была кровь Олега Вещего и Олава.

И вот родились мои дети – Добрыня и Малфа, о которых Володислав мне сейчас говорит. Потом, конечно, будут еще. И они унаследуют не только мои родовые раздоры, но и те, что много поколений ведутся между полянскими русами и древлянами. Как они будут жить с этим грузом? Бывает, мысли об этом наваливаются по ночам, когда не спится, и порой мне кажется, лучше бы им и не родиться...

Дети старинных родов вступают в брак, чтобы примирить противоречия и уладить раздоры. Но с каждым поколением эти раздоры лишь углубляются, из внешнего мира входя в нас, в нашу кровь, забираясь острым железом под кожу... Так холодно думать об этом!

Я даже не в обиде за то, что Володислав меня не любит. Да и как он мог бы любить женщину, которая в ближайшем родстве с его давними врагами, чьи деды были такими же кровными врагами его дедов? Это никак невозможно. Мое сердце болит за моих детей. Ведь они уже тем, что появились на свет, стали врагами всех своих родичей с обеих сторон. Какая судьба их ждет?

О Рожаницы, спрядите нить моим детям помягче и поровнее – ну, хоть немного...

* * *

На второй свой пир в Искоростене Логи-Хакон отправился на Святую гору, где стояло старинное княжеское святилище древлян. Сопровождали его, кроме собственных хирдманов, сам Свенельд с дочерью и десятком старших оружников. Кое с кем из этих людей Логи-Хакон успел познакомиться: с Сигге Саксом, который встречал его у брода, с его товарищами – Ашвидом Серебряная Борода, Бергстейном и Эллиди. Возглавлявший их Сигге держался по-дружески, оживленно, будто они век были знакомы, и этим сильно выделялся среди прочей Свенельдовой дружины. Но Логи-Хакон за привычной учтивостью прятал настороженность: глаза Сигге не внушали ему доверия. В них была веселость, но ни капли тепла. Они напоминали бле-

стящий гладкий лед, на котором в лучшем случае набьешь шишек, а в худшем – провалишься и сгинешь в холодной воде.

Всякий раз, оказываясь возле этих людей, Логи-Хакон ловил на себе пристальные, испытывающие взгляды. Причем старшие оружники смотрели все же более дружелюбно, в то время как во взглядах молодых светилось неприкрытое соперничество. Если кому-то из них случилось оказаться у Логи-Хакона на дороге, те отходили в самый последний миг, будто вдруг случайно его заметили. В чем дело? Чем он им помешал? Может, они считают его соперником Свенельда, которого прислал Ингвар, чтобы отнять все здешние выгоды? Или сам Свенельд и правда задумал измену?

У начала тропы гостей встретил Житина и повел вверх по склону. Святилище занимало соседнюю вершину близ той, на которой стоял Искоростень: обнесенный стеной и валом гордец, довольно тесный, был густо застроен, в то время как Святую гору окружал лишь неглубокий ров, где на дне горели костры, а с внутренней стороны вдоль него выстроились длинные избы-обчины. На середине вершины высились идолы богов: Сварога, Перуна, Мокоши, Велеса, Дажьбога. Перед каждым стоял камень-жертвенник. После недавних Купалий перед идолами Перуна и Мокоши еще лежали грудой увядшие, подсохшие венки.

Перед строем богов стоял другой строй: живой, яркий, и тем не менее казавшийся земным отражением этой небесной семьи. В середине, перед идолом Перуна, стоял князь Володислав: еще совсем молодой человек, чуть ниже среднего роста, но довольно широкий в плечах. Вид он имел вызывающий и даже воинственный, и Логи-Хакон сдержал улыбку. Перед идолом Велеса стоял дядя князя – Маломир, такого же роста, чуть более шуплый, чем племянник, не располневший к середине пятого десятка. Светлая борода, немного курносый нос; взгляд серых глаз пристальный, испытывающий, будто норовящий сразу проникнуть в душу и вскрыть все тайные помыслы.

Возле них сияли яркими нарядами три женщины, и Логи-Хакон на миг испугался, что не узнает среди них свою племянницу. Но нет, вот она – молодая женщина возле Володислава, будто земное подобие Зари-Зареницы, а к коленям ее жмутся двое румяных детишек. В греческом платье, где по голубому полю были вытканы золотистые круги с узором в виде цветков и крестов. На белом убрусе видны были золотые привески тончайшей работы, похожие на гроздь крупных ягод. Таких украшений Логи-Хакон еще никогда не видел. На груди ее было ожерелье, но не из стеклянных бусин, а из серебряных, с тончайшими узорами из крошечных серебряных же зернышек, с подвеской посередине в виде полумесяца рожками вниз.

Но лицо Предславы привлекало Логи-Хакона куда больше, чем ее украшения. Свою сестру Мальфрид он совершенно не помнил: когда она уехала из родного дома, чтобы стать княгиней в Киеве, он был трехлетним мальчиком. Ожидая встречи с племянницей, он надеялся через нее познакомиться с давно умершей сестрой, которая поневоле так сильно изменила судьбу потомков Харальда Боезуба в Гардах. Вид ее не привел ему на память никого из знакомых родичей, но трудно было отделаться от мысли, что эта женщина, всего лет на пять его моложе, и есть его сестра Мальфрид. А ее нарядные сын и дочка – его племянники.

Предслава улыбнулась, встретив его взгляд, явно смущенная, но потом ее улыбка стала шире, по лицу разлилась радость. Логи-Хакон с трудом заставил себя оторвать от нее глаза: ему надлежало сперва обратиться к мужчинам-князьям, но в душе он послал их обоих к велсам – ему хотелось поговорить только с ней.

– Здоровы будьте, князья деревские и мужи нарочитые, а также все люди добрые! Это Якун, Улебов сын, Ингоря киевского брат! – Сигге, выйдя вперед, указал на гостя. – Пришел поклониться князьям и богам земли деревской.

– Будь здоров и благополучен на нашей земле, Якун Улебович, – князь Володислав приветственно наклонил голову.

– Здоровы будьте и вы, мужи деревские, – Логи-Хакон учтиво кивнул. – Прошу у вас гостеприимства, у богов ваших защиты.

Он сделал знак, и Ауки, самый молодой из его хирдманов, вынес корзину. Поочередно вынимая оттуда, Логи-Хакон возложил к подножию каждого идола по караваю хлеба и по цветочному венку, а потом указал на барана, которого купил у Свенельда и которого привели позади дружины:

– А это дар мой богам и всем людям деревским.

По знаку мужа Предслава сделала три шага навстречу гостю и протянула рог – чуть меньше того, из которого он пил при входе в гридницу Свенельда, как он мысленно отметил. Но ее взволнованный и радостный взгляд ласкал сердце: впервые со времени приезда в землю Деревскую Логи-Хакон ощутил, что кто-то здесь по-настоящему ему рад.

* * *

Назавтра Соколина явилась ко мне с утра пораньше – мы заранее сговорились идти собирать «заячью кровь»⁴, чтобы красить пасмы, – и мы с ней обхохотались, вспоминая пир.

– Тебя муж вчера не прибил? – с порога воскликнула она, лишь убедившись, что Володислава в избе нет.

– Прибил? – Я поднялась ей навстречу.

– Этот так на тебя тарашился, я уж думала, влюбился!

– Кто – этот? Ты про Хакона? – сообразила я. – Очнись! Он мой родной дядя, брат моей матери! У них на севере это называется «модурбродир».

Я засмеялась, вспоминая свое давешнее бегство, и Соколина тоже засмеялась – как-то лихорадочно, хотя тем днем могла бы гордиться. Не то что я, трусиха!

– А кто не знает, что он твой дядя, так точно бы подумал: все, втрескался мужик, хочет жену у князя молодого умыкнуть!

– Да ну тебя! – махнула я рукой, но, кажется, покраснела слегка.

Еще вчера, когда я подносила Хакону рог в святилище, он взял его и шепнул, так чтобы никто больше не слышал:

– Ты и есть моя племянница Предслава? Не может быть.

– Почему не может? – шепнула я в ответ, сама дивясь, с какой легкостью вступаю в тайную беседу с тем, от кого на днях убегала, будто от злого волка. – Я не похожа на мать, это правда...

– Я совсем не помню Мальфрид. Но ты ведь моложе меня совсем не намного. И у тебя есть дети, а я... – Логи-Хакон засмеялся, – я еще слишком молод, чтобы зваться дедом! Нет, лучше будь моей сестрой.

Долго разговаривать мы не могли: он вернул мне рог, а Маломир с двумя старейшинами-жрецами принялся резать барана. Я отошла назад к Володиславу и детям, с бьющимся сердцем и пылающим лицом. Мне так давно не случалось видеть родичей, к тому же незнакомых! А Хакон был бы братом на зависть всем на свете: даже в святилище перед ликами богов он, в своем красной кафтане – уже другом! – не потерялся и выглядел вполне достойным их собратом.

Пока баран варился на дворе, Хакона проводили в обчину и усадили. Я видела, как он оглядывался, и нетрудно было понять, о чем он думает. Только мы – я да муж с Маломиром – были одеты в греческое платье. Хорошо еще, Хакон не знает, что все это – из моего приданого, ведь всех прежних богатств деревские князья лишились, когда проиграли Свенельду

⁴ «Заячья кровь» – одно из народных названий зверобоя. Применяется для окраски нитей и тканей в цвета от желто-горчичного до красновато-коричневого. (Прим. авт.) Пасма – часть мотка пряжи.

последнюю войну. Серебряные пуговицы-обереги на груди их кафтанов – подарки моего отца из Моравии, как и наши с Соколиной украшения.

Меня обручили маленькой девочкой, и прямо с тех пор моя мать стала собирать для меня приданое. Я потом не раз помянула ее труды добрым словом. На свадьбе я каждому из новых родичей поднесла по греческому платью – мужчинам, женщинам, девам. Хорошо, что их было не так много: с тех пор как полянами стали править русы, войны с ними складывались для древлян неудачно и выкосили три-четыре предыдущих поколения. Их старинным соперникам – полянским князьям – повезло еще меньше, от них вовсе ничего не осталось. Почти. Трудно поверить, но последние капли крови Киевичей текут во мне и моих детях. Олег Вещий был женат на Браниславе, девушке из их рода. У них была дочь Венцеслава, отданная замуж за Предслава из Моравы, моего деда по отцу. Моя тетка Ростислава вышла за человека знатного, но не княжеского рода, и теперь я и мои дети – единственные, кто совмещает в себе кровь и наследственные права ильменских потомков Боезуба, полянских Киевичей, русских Олеговичей, моравских Моймировичей и заодно деревских Дулебовичей. И если я думаю об этом, то мне кажется, что моих детей заставили сидеть на мешке, где внутри засунут волк, медведь, тур и рысь. Будь моя воля, я бы не выбрала им такое наследство!

Не считая моего сына Добрыни, в семье было двое мужчин: Маломир и Володислав. При них жила вдова Володиславова старшего брата – Светозара. Была еще одна вдовая невестка, Краснорада, но она умерла три года назад. После той последней войны все их нарядные платья и большая часть украшений ушла в качестве дани моему отцу, и если бы я на своей свадьбе не подарила им по греческому платью и по шелковому повою, они ходили бы как все простые женщины, во льне и шерсти своей же работы. Но разве они меня полюбили за это? Напротив, возненавидели «русское отродье» еще сильнее. Однако меня с детства приучили к мысли, что едва ли будет по-иному, и ничего другого я и не ждала.

Прочие наши люди, даже самые родовитые, одеты были в простой лен и шерсть, окрашенных в цвета и оттенки, которые можно получить из лесных трав и деревьев: зеленоватые, коричневатые, желтые. На старшем столе стояла расписная посуда, на прочих – большей частью самолепная. Яркие одежды Свенельдовых людей бросались в глаза даже в полутьме, и чужой человек, пожалуй, мог бы на первый взгляд и ошибиться, не поняв, кто же здесь, собственно, князь и его семейство?

Когда пришли женщины, явилась и Соколина: тоже в греческом платье из золотистого шелка с темно-красной отделкой, а на шелкотканой тесьме очелья покачивались подвески из серебра с длинными цепочками и бусинками. Шелк прошлой осенью привез ее сводный брат Лют, когда в первый раз воротился из Царьграда, а подвески я ей подарила, из того, что отец присылал когда-то мне. И уж Хакон заметил: смотрел на нее, как на птицу ирийскую. Она хранила надменный вид, но тоже порой поглядывала на него из-под ресниц. Дивиться нечему: на кого же нам всем было смотреть, как не на гостя – нового человека, да еще такого знатного и яркого? Но будь на его месте кто другой, Соколина глядела бы открыто, с обычной своей смелой улыбкой во весь рот. Если Логи-Хакон не успел чем-нибудь ее обидеть, пока был у Свенельда, то значит...

Во время пира ни муж мой, ни Маломир от гостя ничего особенного не добились. Вопреки их надеждам, о себе он говорил неохотно. Поведал обо всех своих родичах, а о себе сказал, что собирается съездить в Греческое царство, ждет лишь, пока вернется из степи его брат Ингвар. Казалось бы, это должно рассеять подозрения, но мои мужчины смотрели на него все с той же настороженностью.

– Уж не жену ли хочешь себе здесь сыскать? – будто в шутку спросил Маломир. – У нас тут девицы есть красные...

И тут Хакон невольно посмотрел на Соколину. А она – на него. И чуть ли не впервые в жизни я увидела, как она краснеет. Правда, вид у нее был не столько смущенный, сколько

раздосадованный, но тут меня как мешком ударило: а ведь и правда, какой был бы для нее жених!

И вот теперь я только подумала сказать ей об этом, как в избу всунулась Вторушка:

– Там князь пришел!

– Какой? – удивилась я, ибо про мужа она мне не докладывает.

– Киевский.

При этом известии мы обе с Соколиной встали в изумлении, подумав об Ингваре. Но тут в проеме двери показалась рыжая голова, и будто пламенем полыхнул алый плащ...

Разогнувшись, Логи-Хакон сразу встретил взгляд Соколины. Они не ожидали увидеть здесь друг друга, и оба переменились в лице. Он даже не сразу вспомнил, что в этом доме другая хозяйка, которой он и пришел.

– Что случилось? – Я первой опомнилась и устремилась ему навстречу.

Однако Логи-Хакон не вдруг оторвал взгляд от Соколины, и по лицу его было видно: он хочет что-то ей сказать.

– Ничего. Бужь жива, княгиня. – Логи-Хакон с явным усилием заставил себя взглянуть на меня. – Ничего не случилось, слава богам. Хотя я мог бы уже лежать со сломанной шеей, и наше знакомство с тобой, сестра, прервалось бы, едва успев начаться.

– Что? – вскрикнули мы обе одновременно.

Соколина сделала шаг к нему.

– Твой муж, – Логи-Хакон обратился ко мне, – прислал ко мне с приглашением тебя навестить. Я собирался идти пешком, здесь ведь и поприща не будет. Но твой отец, – теперь он посмотрел на Соколину, – предложил мне коня. Того, которого он, говорят, хочет купить. Твой отец, должно быть, удивительной ловкости наездник – в его-то годы!

– Ты о чем? – Соколина нахмурилась. – Какого он хочет купить? Гнедого, что угры привели?

– Гнедого. И он, твой отец, должно быть, умеет ездить даже на таких лошадях, у которых колючки под потником!

Он протянул к ней руку, и на его ладони Соколина увидела маленький, с полпальца, обломок веточки с колючкой.

– Под потником? – Она нахмурилась, взяла у него колючку и уставилась на нее. – У коня для моего отца?

– Твой отец вышел вместе со мной. Угры как раз привели коня и позвали его посмотреть и попробовать. Отроки оседлали, и твой отец предложил мне проехаться и сказать, как я его нахожу. Но я едва успел объехать половину двора. Стоило мне немного откинуться в седле, как конь взвился и едва меня не сбросил. Хорошо, что, садясь на чужого незнакомого коня, человек всегда бывает осторожен. Я удержался и сошел на землю, а под потником нашел вот это. И теперь я одно хочу знать, – Логи-Хакон значительно взглянул в глаза сперва мне, потом Соколине, – кто из нас должен был валяться в пыли со сломанной шеей? Я или твой отец?

Соколина сердито сжала губы, стиснула колючку в кулаке и бросилась вон. Даже не попрощалась.

* * *

Когда Соколина прибежала домой, в гриднице стоял шум. Здесь была чуть не половина Свенельдовой дружины, а также угры Арпи и Радисло – купцы, приводящие коней на продажу.

– Вы же, подлецы, воеводу хотели убить? – рвался к ним Ольгур, рослый молодец с пышной шапкой золотисто-пшеничных волос, за которые Соколина иногда дразнила его Снопом.

– Свенельд, ты меня знаешь десять лет! – взывал к хозяину побледневший Радисло, полуугр-полуморав. – Как я могу желать тебе смерти, да еще от коня, которого я сам привел?

– А смотря сколько тебе заплатили! – наперебой кричали отроки. – И кто? Ингорь киевский? Или этот рыжий?

– Ольтур, тише! Разберемся! – Сигге Сакс, скрестив руки на груди, закрыл обоих угров своей широкой спиной. – Конь здесь ни при чем, с ним все в порядке.

– С конем все в порядке! – с облегчением подхватили угры.

– Его ведь привели без седла, я сам его осматривал, он был здоров и спокоен, – продолжал Сигге. – А кто его седлал?

Крики поутихли, выходить вперед никто не спешил.

– Ну? – подал голос со своего места Свенельд. – Кто из вас, сучьи дети, хотел увидеть меня лежащим на дровах?

– Да мы скорее сами туда ляжем, чем тебе позволим, – хмуро ответил Ольтур.

– Но мы все как надо сделали! – выкрикнул отрок по прозвищу Кислый. – Седло же проверяли!

– Я проверял седло, – кивнул Ашвид Серебряная Борода. На самом деле борода у него была русая с сединой, но он заплетал на ней косички и надевал на них три-четыре узорных серебряных кольца. – Я снимал и седло, и потник, но не нашел ничего... Правда, на шкуре коня была небольшая припухлость... будто его чем-то царапнули.

– На нем не было ничего такого! – загомонили снова Арпи и Радисло. – Это хороший конь! Здоровый конь!

– Седлали Ольга и Кислый, – заметил Бергстейн. – Я видел.

– Мы с Кислым седлали, – подтвердил Ольтур и посмотрел вверх.

– И вы не заметили на шкуре царапины? – спросил Ашвид.

– А вот этого вы не заметили? – раздался негодующий голос от порога.

Вошла Соколина. Кричавшие замолчали: таким странным показалось ее лицо. Окинув быстрым взглядом собравшихся, она прошла прямо к Ольтуру и остановилась почти вплотную к нему. Она была ниже ростом и смотрела на него снизу вверх, однако парень невольно попятился.

– Вы с Кислым, значит, седлали? – многозначительно повторила она. – А это откуда взяли? – Она раскрыла ладонь и показала обломок ветки с шипом. – С куста за воротами, да?

Ольтур слегка переменялся в лице и на миг отвел глаза, но тут же взял себя в руки и вновь посмотрел на нее:

– Ты это откуда раздобыла?

– У Хакона! Он это под потником нашел. Того самого, что вы с Кислым положили.

– Дай!

Ольтур хотел забрать у Соколины шип, но она сжала кулак, так он захватил всю ее кисть; она подалась назад, он потянулся за ней, не выпуская ее руку. Второй рукой Соколина ударила его по руке и, освободившись, отскочила.

– Не отдам! Вы кого загубить хотели? Отца моего? Или Хакона?

– Да что ты говоришь? – в негодовании закричал Ольтур. – Нам воевода – отец родной, мы сами за него все на дрова ляжем! Да лучше я на свое копье напорюсь, чем на него дурное помыслию!

– А на Хакона?

– А что ты за него так разволновалась?

К ним подошел Сигге и протянул руку:

– Дай-ка мне.

Косясь на Ольтура, Соколина отдала Сигге шип. Тот повернулся к свету и внимательно осмотрел его. Срез ветки был свежим; Сигге поднес его к носу и уловил запах конского пота.

– Ну? – Сигге пристально посмотрел на Ольтура, и тот опустил глаза. – А чем будешь клясться, что вы с Кислым не хотели вреда нашему гостю?

Ольгур молчал.

– Да какой вред? – выкрикнул из-за плеч товарищей Кислый. – Чего мы сделали-то?

– Вы хотели, чтобы он убили? – Сигге с насмешкой посмотрел на Кислого.

– Да если бы убили, туда ему и дорога, – буркнул Ольгур. – Если в седле сидеть не умеет... Шлепнулся бы разик, может, не с таким гордым видом потом ходил бы...

Соколова в негодовании раскрыла рот, и тут с почетного сидения раздался хриплый хохот Свенельда.

– Вот, значит, что! – выговорил воевода сквозь смех. – Вам, сучьи дети, показалось, что у моего гостя слишком гордый вид? И вы захотели сбить с него спесь, так? Вы не собирались убить меня, вашего отца – особенно тем, кто о родном отце даже понятия не имеет, да, Кислый? Я вытащил вас из грязи, отмыл, одел, дал вам еду и оружие! Сделал вас людьми! Ну, кем-то похожим на людей! И вы теперь за меня решаете, кому жить, а кому умереть у меня в доме!

– Мы не хотели, чтобы он умер! – крикнул побледневший Ольгур. – Да куда бы он годился, если бы разбился посреди двора, оттого что лошадь немножко взбрыкнула?

– А кто бы у нас потом купил лошадь, которая сбросила такого знатного человека! – возмущались в углу Арпи и Радисло. – Пришлось бы нам вести ее за трижды девять земель, чтобы продать хоть за половину настоящей цены!

– Теперь мы хотя бы знаем, что он неплохой наездник! – снова усмехнулся Сигге. – Он удержался в седле и сошел наземь невредимым. А вот удержишься ли ты, Ольга, я как-то не уверен.

– Этот парень вам не по зубам! – сказал Свенельд. – Что, Ольгур? Я видел, что ты с первого дня только и хотел вызвать его на ссору, но он слишком горд, чтобы замечать таких, как ты! Он – сын конунга и брат конунга, а ты кто? Никто не помнит, в каком дупле тебя нашли.

– Я – твой слуга, воевода, – буркнул Ольгур, глянув на него исподлобья.

Он-то помнил своего отца и не сомневался, что Свенельд тоже все отлично помнит, но не хотел лишний раз говорить об этом при всех.

– Ты – мой слуга... пока еще. Не знаю, надолго ли. Ты, кажется, хотел меня очень сильно ограбить. Ведь если бы Хакон шлепнулся в грязь посреди двора, может, он и не умер бы, но уж точно здорово расшибся, и над ним бы смеялись от Днепра до Моравы. Едва ли он бы надолго здесь задержался после этого, да? Вот чего ты хотел?

Ольгур мельком глянул на него и вновь потупился, но по лицу было видно: это обвинение он готов признать. Все же не попытка убийства, к тому же – родного брата киевского князя.

– А как был бы опозорен наш конь! – простонал Радисло. – Это же такое прекрасное животное, кроткое, как ягненок, отважное, как волк, и умное, как человек! Ты, Свенельд, не пожалел бы, если бы его купил!

– Я, может, еще и куплю его! – утешил торговцев Свенельд. – Я и правда знаю вас десять лет, и ни разу вы еще не пытались мне всучить дряни. А вот хорошее ли приобретение я сделал, когда взял в дружину вот эти два стручка... – он окинул небрежным взглядом Ольгура и Кислого, – я что-то стал сомневаться!

– Напрасно ты стал бы в нас сомневаться! – пылко воскликнул Ольгур, подняв наконец глаза на своего вождя. – Я предан тебе не меньше родного сына! И Кислый тоже! И все наши паробки!

Младшие отроки согласно зашумели. Ольгур считался их вожаком, и обвинение ему все принимали на свой счет.

Старшие, те, что в основном жили своими дворами, молчали. На молодых они смотрели кто насмешливо, кто удивленно, кто гневно.

– И чем же он вам не угодил? – спросил Ашвид. – Этот Пламенный Хакон? Уж не вообразил ли кто здесь себя его соперником?

– Он и вообразил! – Соколина негодуяще ткнула в Ольтура пальцем. – Вон, по лицу видно!

Ольтур стиснул зубы. Рослый, с пышной гривой светлых волос, он был весьма хорош собой, горд, разговорчив, упрям и напорист. С Соколиной он был дружен, но любой намек на то, что они могут быть не просто товарищами, она встречала в копыя. Однако сейчас он не ждал, что она так решительно встанет на сторону его соперника, и ожег девушку негодующим взглядом.

– Его прислали из Киева, потому что там думают, будто наш воевода уже стар! – выступил вперед еще один из молодых, Бьольв. Он был слишком разумен для подобных затей, но хорошо понимал, о чем думали его товарищи. – А они там, в Киеве, очень сильно ошибаются! Этому рыжему повезло, что он усидел в седле и не грохнулся своей гордой мордой в грязь, но пусть не думает, будто он здесь кому-то очень нужен!

– Молчать! – Свенельд сдвинул брови и грохнул кулаком по подлокотнику. Лихорадочное веселье исчезло с его лица, уступив место гневу. – Вы кто такие! Йотуновы дети! Щенки! Крысята овинные! Тля гороховая! Вы будете за меня решать, кто мне нужен, а кто нет? Кто вам позволил? Я спрашиваю, кто вам позволил, недоноски троллевы? А может, мне очень нужен этот парень? Что будет со всеми вами, когда я сяду на дрова, вы подумали? Или у вас на плечах пни, а не головы?

Он закашлялся и не мог продолжать. Соколина оторвала негодующий взгляд от Ольтура и прошлась вдоль столов, отыскивая пива или хотя бы воды.

– Логи-Хакон – родной брат Ингвара, – напомнил Сигге. – Если кто-нибудь и сможет сохранить все как есть... после той беды для всех нас, что наступит еще совсем не скоро, то только он. Только своему родному брату Ингвар может позволить собирать дань и мыто с купцов в пользу своей дружины. Поэтому всякий, у кого на плечах своя голова, а не баранья, понимает: нам всем имеет смысл с ним подружиться.

– Это... так, – хрипло подтвердил Свенельд сквозь кашель. – Так что я, может, еще и выдам за него свою дочь, чтобы все знали, он – мой наследник.

Соколина ахнула и покраснела, метнула на отца взгляд, который выражал скорее изумление, чем иное чувство. Столько лет Свенельд говорил, что не выдаст ее замуж, пока жив, и вдруг такое!

– А может, – продолжал Свенельд, – я поступлю с ним иначе! Может, я захочу, чтобы он с мечом в руке доказал, что достоин быть моим наследником! Я стар, и мне уже светит в глаза позорная смерть на соломе! А я не собираюсь испоганить всю славу моей жизни таким глупым концом! Я сам вызову его на поединок! И пусть он убьет меня, а я паду от руки человека королевской крови и отправлюсь к Одину – немало старых друзей уже ждет меня там! Ну, а если он меня не одолеет... так это я буду решать, годен он на что или нет! А не вы, щенки! Так что ты, Ольга, и твои дружки, кто к этому причастен, проваливайте к Перемилу и сидите там, пока я про вас не вспомню.

Ольтур устремил молящий взгляд на Сигге, потом на Соколину. Боярин Перемил сидел в Веленеже, последнем городце Деревов на границех с Волынской землей, и там от имени Свенельда собирал мыто с торговцев, едущих к моравам.

Но Соколина не заметила его взгляда, ибо сама во все глаза смотрела на отца.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула она слегка дрожащим голосом. – Зачем тебе вызывать его она поединок?

– Так сделал Харальд Боезуб. Когда он был уже так стар, что едва таскал ноги, то объявил войну сразу всем окрестным конунгам и поехал на битву в повозке, велел привязать себе по мечу к каждой руке. И его сразил сам Один. Я немногим хуже родом, чем старый Харальд, и тоже хочу умереть достойно. Во мне тоже есть кровь королей! Пусть меня сразит бог или хотя

бы его дальний потомок! – Свенельд пристукнул кубком, который она подала ему, о подлокотник. – Этот рыжий вполне подходит.

– Ты создашь этим немалую трудность для Ингвара, твоего воспитанника! – заметил Сигге. – Если его воспитателя убьет его же родной брат, что он будет делать?

– А это, – Свенельд перевел на него тяжелый взгляд из-под косматых бровей, – уже не моя забота. Я уже научил его всему, чему только мог, пусть поворачивается сам!

* * *

Соколина убежала, мы остались вдвоем. Хакон смотрел на дверь, за которой она скрылась, а я – на него. Надо послать за пивом или квасом, может, за детьми – к тому времени я их уже покормила и снарядила гулять в ожидании, когда мы с Соколиной соберемся за «заячьей кровью». Но я молчала, лишь смотрела на своего дядю. Даже в полутьме избы он был красив, как огонь в сумерках. До того мне казалось, что он почти ничем не напоминает другого моего дядю – Ингвара киевского, хоть они и были родными братьями. Но сейчас сходство появилось: в выражении непростой думы на челе, которое я еще в детстве видела у вуй Ингвара так часто...

Наконец Хакон поднял на меня глаза и слегка улыбнулся, прося прощения, как учтивый человек, что позволил себе забыться в чужом доме.

– Кажется, мне здесь мало кто рад. Или все же убить хотели не меня, а воеводу? Как ты думаешь, сестра? – Он подошел, сел рядом со мной и взял за руку. – Я не могу здесь верить никому, кроме тебя. Тебе ведь я могу верить?

По глазам ему было видно, что он просто очень хочет верить в этом чужом месте хоть кому-нибудь. И я сжала его руку: я тоже так нуждалась хоть в одном близком и надежном сердце, нуждалась все шесть лет своего замужества!

Но я не сразу нашла слова. Как радостно было думать – я вообразила это на миг, – он, мой родной дядя, поселится здесь, женится на Соколине, со временем займет место Свенельда и всегда, все годы лежащей впереди жизни, будет близкой душой, защитой и опорой мне и моим детям. Сейчас, после смерти свекрови, я сумела стать хозяйкой в доме и приструнила прочих баб, но годы владычества надо мной ворчуньи Багряны и унылой хромуши Гвезданы помню очень хорошо. Они попрекали меня на каждом шагу, изобретали множество обидных прозвищ; впрочем, я быстро привыкла и, не зная за собой вины, научилась не слышать брани.

Это теперь, оставшись без своей покровительницы, тетка Гвездана мне кланяется и лыбится во весь свой щербатый рот... А случись мне нахмуриться, она делает плаксивое лицо, будто ее сейчас будут бить. Но я знаю: случись что, переменись ветер, и все они набросятся на меня, как волчья стая. И на моих детей... Конечно, Свенельд, пока в силах, не даст в обиду племянницу своего князя, но Свенельд стар. Если бы его сменил именно Хакон, я была бы почти спокойна за будущее.

Но эта проклятая колючка! Такая мелочь, дрянь – а сумела разом все разрушить. Мне вспомнилось, что говорил о приезде Хакона мой муж, и сердце замерло от страха: а что если Володислав как-то к этому причастен? Он испугался, что Хакон прислан Ингваром на смену старому Свенельду. Внезапная смерть любого из них пойдет древлянам на пользу. Сейчас, пока Свенельд и Хакон не успели поладить, это вызовет раздор в роду русских князей, а для древлян это будет просто подарок.

В груди холодело от мысли, что я могу потерять своего родича, едва познакомившись с ним. Не говоря уж о том, что неизбежно за этим последует. Нечего и думать, что Ингвар оставит внезапную гибель своего родного брата – либо своего старого воспитателя – без последствий. А ведь новая война между ДЕРЕВАМИ и РУСЬЮ вдребезги разобьет мою семью, долю и будущее моих детей! Я на все решилась бы, лишь бы это предотвратить, но что могу сделать я, женщина?

– А это правда? – шепнула я, опасаясь говорить о таком вслух и стараясь, чтобы не услышали даже мои собственные лари и укладки. – Ингвар прислал тебя, чтобы ты сменил здесь Свенельда?

– Откуда ты знаешь? – Хакон взглянул на меня.

– Мне сказал муж.

– А он откуда мог знать? – Хакон поднял брови. – Этого не знал ни один человек, кроме Ингвара с женой и Мистины.

– Но так ли трудно догадаться? Свенельд стар, у нас говорят, что о нем Мара позабыла. И все очень хотят знать, что будет, когда она о нем вспомнит. Кто приедет ему на смену? И не удастся ли... ну, ты понимаешь.

– Как-то изменить условия договора в пользу древлян?

Я кивнула:

– Снизить размер дани или хотя бы отдать торговые сборы назад нашим князьям. Если бы это удалось, может быть, наша взаимная ненависть как-то смягчилась бы и нам удалось сохранить мир...

– Нет, сестра! – Он невесело усмехнулся. – Совсем наоборот. Если уменьшить дань, дать им поднять голову, они почуют нашу слабость, а свою силу. И тогда будет война – как в тот год, когда умер Олег Вещий и его сменил Олег Предславич. Сколько лет Киев потом воевал с древлянами?

– Года три-четыре, – вздохнула я. – После той войны меня и обручили.

– И чтобы этого больше не повторилось, Свенельда должен сменить такой же сильный человек, и дань не будет уменьшена ни на веревку. Это понимают все. И твой муж тоже. Поэтому... похоже, он не хочет, чтобы этим человеком стал я.

– Я бы очень хотела, чтобы им стал ты, – призналась я. – Для меня было бы таким счастьем иметь рядом близкого родича. Я знаю... мой муж, и Маломир, все прочие древляне ненавидят русов, Ингвара и тебя, но... я никогда тебя не предаю. И как бы мне ни хотелось, чтобы ты остался... если они умышляют на твою жизнь, я скажу тебе: уезжай.

– Нет, сестра! – Хакон засмеялся. – Ты ведь не посоветуешь мужчине бежать от битвы? Если мне придется завоевать Деревскую землю – что ж, это лучше, чем получить готовое! Я уже сыт по горло плодами чужих подвигов, которыми меня с детства пытались кормить. Я докажу им всем, что я ничуть не хуже, чем мой брат Ингвар, мой отец, мой дед и даже сам Харальд Боезуб!

– Да, конечно. – Я сжала руки, стыдясь своего беспокойства и все же не в силах с ним совладать. – Но я прошу тебя... когда вы поедете на лов... будь чуть-чуть осторожнее!

– Я буду очень осторожен! – выразительно ответил Хакон и сжал мои руки своей ладонью. – Я еще недостаточно прославился, чтобы умирать!

* * *

Кузница стояла на отшибе, на берегу Ужа – чтобы не наделать пожара, и поэтому в ней нередко сходились те, кому надо было поговорить без чужих ушей.

– Асы мои! Старикан-то совсем рехнулся! – Бьольв ходил туда-сюда по тесному помещению, держась за голову. – И если бы не вы, дураки, мы бы так ничего и не узнали!

– Скажи спасибо! – буркнул из угла Кислый.

– Да не сделает он этого! – горячо возражал Ольтур. – Не настолько он еще... из ума выжил. Какой там Харальд Боезуб! Пойти на войну, чтобы там убили? Какой дурак такое сотворит?

– Было такое! – Бьольв кивнул. – Харальд Боезуб прожил сто пятьдесят лет и сам вызвал на бой Сигурда Кольцо. Нам отец еще в детстве рассказывал, так что все правда. Он желал

умереть в сражении и попасть в Валгаллу, а не сдохнуть у себя в постели и пойти к Хель, но все соседи его так боялись, он был так могуч, а войско его так велико, что с ним связываться никто не хотел.

– Точно как с нашим стариком! – опять буркнул Кислый.

– А чтобы решиться против него выйти, собрались всем миром: все князья, сколько их было, даже от словен пришли. И корабли их заняли все море, так что по ним можно было перейти, как по мосту. А стяг Харальда держала валькирия, ее звали Висна.

– У нас есть одна, которая будет держать стяг, – сказал Клин, кузнец, хозяин помещения. – Вы ведь из-за нее ввязались, да, Ольга?

Невысокий ростом, светловолосый Клин выглядел моложе своих лет, однако был весьма искусным кузнецом. А его родной брат Лис, такой же внешности и неприметной, тихой повадки, считался из лучших воинов среди младшей Свенельдовой дружины. Сейчас он сидел на ларе с железным ломом и молча наблюдал за спорщиками. Они были киянами родом и прибыли в землю Деревскую с отцом, давним спутником Свенельда. Как и Бьольв, отец которого, Гисмунд, приехал с воеводой еще из Хольмгарда и вскоре женился на киянке, благодаря чему Бьольв имел родню в Киеве.

Ольтур только глянул, будто огрызнулся глазами.

– А пусть воевода затеет войну со всем светом! – воскликнул он, не желая говорить о Соколине. – Мы пойдем с ним! И все умрем с ним, если будет надо, но не позволим, чтобы здесь задирали нос какой-то рыжий хрен!

– Но чем вам поможет, если вы его прогоните? – взывал к его разуму Бьольв. – Кто он и кто ты – это старик правильно сказал. Ну, уедет он. Другой появится. Ты же не думаешь, что ее тебе отдадут? Если думаешь, то и есть дурак.

– Пока я жив, этот рыжий пес ее не получит! – ожесточенно заверил Ольтур.

– Вы дураки, что сами подставились, – негромко заметил Лис, но все замолчали и обернулись к нему. – Теперь вот поедете к Перемилу с русалками круги водить. А что до рыжего... Бьольв, они правы.

Ольтур прояснился в лице: одобрение Лиса дорого стоило.

– Насколько я понимаю нашего старика, с него останется вызвать на поединок кого-нибудь молодого и сильного, чтобы умереть с мечом в руке, – продолжал Лис. – Вот только кого? Харальда Боезуба прикончил сам Один. Но Одина, может, и не выйдет дозваться, а пасть от руки кого-то недостойного наш старик не захочет. Ему нужен в соперники если не сам Один, то хоть его потомок. А таких здесь нелегко найти. Только Ингвар, но тот не станет драться со своим воспитателем, хоть он плюнь ему в морду. А этот рыжий – может. Поэтому надо его убрать.

– Как – убрать? – серьезно спросил Бьольв, пытаясь понять, что тот имеет в виду.

– А как получится, так и убрать. Старику и правда может в голову ударить – или дочь за него выдать, или на поединок вызвать... Плохо, девка наша так хороша... – Лис поджал губы, а Ольтур подобрался. – Он тоже с нее глаз не сводит. Его хоть поленом гони, а он отсюда не двинется, пока...

– Отец сказал, чтобы мы от него отстали, – негромко напомнил Клин. – Помнишь, что Сигге сказал? Наш старик не вечен. А киевские уж лет десять на нашу дань и мыто зубы точат. Кому еще Ингвар позволит сохранить это все? Только родному брату, больше никому. Отец сказал, если еще раз увидит, кто рыжему дорогу заступает или зубы скалит, как Хадди вчера, лично уши оборвет и псам бросит. Мы, дескать, его тут всячески ублажать должны, а не задираться.

– Но этот рыжий дружину приведет из Хольмгарда, мы ему не понадобится, – напомнил Лис. – Чтобы все осталось как было, нужно...

Он замолчал, глядя в ларь, на краю которого сидел. Туда Клин скидывал обычно всякий лом, идущий в переплавку, неудачные изделия, треснувшие при закалке и все такое прочее.

– Это что? – Лис вынул из кучи наконечник рогатины.

– Там раковина, – пояснил Клин. – Где втулка начинается. Переплавлю потом.

Лис осмотрел повреждение между самым наконечником и втулкой, при помощи которой копьё крепится к древку. Подумал. Потом поднял глаза на брата:

– А можешь ты... загладить, чтобы видно не было?

– Загладить могу, но оно же все равно никуда не годится. Нажмешь – и треснет.

– Сделай, – Лис передал кузнецу негодную вещь. – Никому не показывай и спрячь. Может пригодиться.

– Для чего? – спросил Ольтур.

– Вас уже здесь не будет, – Лис перевел на него взгляд. – А у нас скоро потеха ожидается.

Князь ведь Рыжего на лов пригласил.

– Это когда?

– А на пиру, где вас не было. На кабанов и косуль зазывал. Вот и посмотрим... Если мы от Рыжего избавимся, то другого такого старик еще нескоро найдет. А там видно будет...

* * *

Логи-Хакон вернулся на Свенельдов двор почти вечером, усталый, но веселый. Его рыжие длинные волосы были заплетены в затейливую косу – в чем Соколина сразу узнала ловкую и заботливую руку Предславы, – и пахло от него зеленью и лесом.

– Это тебе! – Увидев во дворе Соколину, он вручил ей пучок стеблей «заячьей крови» с метелками желтоватых цветочков. Пальцы его были бурыми, будто в запекшейся крови, показывая, что с этим растением он провозился весь день. – Предслава кланяется и говорит, что собрала и на твою долю. На днях приглашает красить – что именно красить, она не сказала. Но даже если вы затеяли выкрасить табун лошадей, у вас хватит краски, потому что этой травы мы нарвали целый сноп. Я ей помогал, поэтому могу заверить.

– Не часто увидишь, чтобы мужчина занимался сбором зелий, – почтительно заметил Бьольв. – Наверное там, на Волхове, обычай другой...

У него имелся свой отец, и он мог надеяться, что старый кузнец Несветай, отец Клина и Лиса, не оборвет ему уши за грубость по отношению к знатному гостю.

– Не часто мужчина знакомится со своей племянницей, которая к тому же княгиня такой обширной области, – Логи-Хакон подмигнул ему. – Если кто сомневается, хорош ли я в мужских забавах, то на днях у нас будет случай убедиться. А ты поедешь с нами на лов? – обратился он к Соколине. – Я помню, как ты бойко обращаешься с луком.

– Поеду! – заверила Соколина. С цветами в руках она почему-то чувствовала себя неловко. – Еще посмотрим, кто обращается с луком сноровистее!

– Не хочешь ли ты вызвать меня на состязание? – усмехнулся Логи-Хакон с таким видом, будто говорил с пятилетним Добрыней.

– А почему бы и нет?

– Потому что состязания между мужчиной и девушкой обычно оканчиваются свадьбой.

Соколина вспыхнула, гневно нахмурилась, но словно онемела от негодования. Логи-Хакон усмехнулся и пошел прочь.

– Чтобы так вышло, сначала тебе нужно выиграть! – крикнула Соколина ему в спину.

Отроки вокруг переглянулись.

– А кто невесте проиграет, тому голова с плеч... – пробормотал Бьольв.

* * *

Логи-Хакон никак не ждал, что этот шуточный разговор будет продолжен в гриднице за ужином. И вернулся он к нему вовсе не по своей воле.

– Я слышал, ты вызвал мою дочь на состязание в стрельбе? – обратился к нему сам Свенельд.

Помня, с каким негодованием в первый вечер по приезде старик дал ему понять, чтобы даже не смотрел в сторону Соколины, Логи-Хакон приготовился к хозяйскому гневу. Но воевода, против ожидания, благодушно ухмылялся в седые усы.

– Если тебе угодно позабавиться состязанием, я готов схватиться с любым соперником, какого ты мне укажешь. – При этом Логи-Хакон ощутил, как впелись в него десятки глаз отроков помоложе; некоторые подобрались, будто готовясь вскочить. – Но надеюсь, это будет не женщина!

– Нет, я хочу, чтобы ты состязался с ней! – с напором произнес Свенельд и даже указал вытянутой рукой на Соколину. Та застыла с кувшином в руке и обернулась, переменившись в лице. – Лучше тебе сразу попробовать, сможешь ли ты взять над нею верх! Если не сможешь, то дело наше не сладится. Не держать тому Деревскую землю, кто не совладеет с девкой, хоть и весьма строптивой! А вот если совладаешь с ней, тогда будет тебе другое испытание. Посмотрим, справишься ли ты со мной! И будет у нас веселье: может, свадьба, может, тризна, а может, то и другое сразу!

Свенельд захохотал, но весело было во всей гриднице ему одному. Логи-Хакон немного побледнел: старик совершенно открыто высказал все то, о чем ему в Киеве говорили Ингвар и Эльга – только не упоминая о Соколине, – а здесь давала понять Предслава.

Соколина поставила кувшин на ближайший край стола, резко развернулась, так что коса ее мелькнула в воздухе, будто русая молния, и выскочила за дверь. Отроки проводили ее глазами. На лицах у одних было изумление – до этих только сейчас дошло, к чему дело клонится, – у других – напряженное внимание, у третьих – негодование.

Последним отличались в основном молодые. Мало кто из них был равнодушен к Соколине – красивой, бойкой, резвой. Она была и хозяйской дочерью, сиявшей над дружиной, будто богиня Солонь, и отчасти их товарищем. Иные выросли с ней вместе, иные застали ее уже взрослой, но любой без раздумий отдал бы за нее жизнь. Но вот ее саму они не отдали бы никому! Любой посягнувший на нее, пусть даже и с согласия Свенельда, становился в глазах этой стаи врагом.

Логи-Хакон, выросший при дружине и хорошо все это понимавший, ничуть не удивлялся теперь, почему на него смотрят с таким вызовом и враждебностью. Отвечай его желаниям Свенельда, он не замедлил бы принять вызов от любого, с кем при его происхождении было бы не зазорно схватиться.

– Однако... сдастся мне, девушка не очень-то хочет участвовать в таком состязании... – промолвил он, пытаясь выйти из положения без урона для своей и хозяйской чести.

– Ох, да верно ли, ты – родной брат Ингвара? – Свенельд издевательски покачал головой. – Он-то свою жену ждал восемь лет и под конец выкрал ее, а потом еще ходил войной на твою Ловать, чтобы раздобыть ее приданое! А ты что? Девка хвостом вильнула, ты уже и сник! Видать, пока до тебя дело дошло, кровь у родителей к старости поостыла!

– Мои родители... – Логи-Хакон сверкнул глазами и встал: бывший хирдман Олава конунга уж точно не имел права хулить его после смерти, чем бы ни стал он сам за эти годы.

– Ладно, ладно! – перебил его Свенельд, выставив вперед ладонь, на которой не хватало двух пальцев. – Мир! Я не оскорблю памяти моего старого вождя. Мне уже скоро пить с ним в Валгалле, и я не хочу, чтобы он прямо на пороге встретил меня хорошим тычком в зубы. У

меня их не так уж много осталось... А ведь прежде бывало! Помню, как-то раз, когда мы оба с ним были моложе тебя...

Свенельд пустился в воспоминания. Но Логи-Хакон, хоть ему и было любопытно послушать о молодости отца, весь остаток вечера, не подавая вида, изводился от беспокойства. Он все надеялся, что Свенельд шутит. Но чутье подсказывало: за стариковскими шутками скрываются далеко идущие замыслы. В которых ему, Логи-Хакону, отведена бо́льшая доля, чем ему бы хотелось.

* * *

На следующее утро Соколина явилась ко мне красить пасмы. Я и не ждала ее так скоро и обрадовалась: хотелось узнать, что у них там новенького. Со вчерашнего дня я не знала покоя, и вид ее не облегчил моего сердца: Соколина выглядела и расстроенной, и раздосадованной. Но высказаться она желания не проявляла, и мы взялись за дело.

Летом мы красили на реке, для чего на берегу был устроен очаг. Дров я велела натаскать заранее, теперь оставалось только развести огонь и повесить большой котел, куда я вывалила целое ведро желтых цветочных метелок «заячьей крови». Вчера мы чуть не весь день бродили по опушкам с Хаконем и челядинками: он тоже рвал «заячью кровь», потом, уже дома в овине, помогал отделять стебли от цветков, которые надо было разложить по разным ведрам. Дети, уже привыкшие к новому дяде, крутились рядом. Возиться с зельями – не очень-то мужское занятие, но зато мы обо всем поговорили. Честно сказать, поначалу меня больше всего волновало, есть ли у него невеста. Если Хакон получил меч в год рождения Святши Ингоревича, а Святша сам получил меч год назад, значит, Хакону уже лет двадцать пять. Да и по виду его было очевидно, что это мужчина зрелый. Мой отец женился в двадцать, и у него в эти годы было уже двое детей – я и мой младший брат Ростислав.

– Неужели ни ты, ни твоя мать так никого тебе и не присмотрели? – отважилась я спросить, стараясь не выдать своих соображений. – Казалось бы, ваш род так уважает, что многие были бы рады... Или у вас на севере принято жениться на девушках из свеев?

– Можно было бы найти и у свеев, и поближе, – без большой охоты ответил Хакон. – Но моя мать... Понимаешь, моя мать считает, что мне вообще не следует жениться на знатной женщине.

– Почему? – От изумления я даже опустила наземь корзину.

Как может собственная мать не желать сыну того, без чего ему не дождаться настоящего уважения от людей?

– Потому что у Ингвара есть сын... пусть и всего один, и у Тородда четверо детей. А все владения нашего отца унаследует Святша. Наша мать не желает, чтобы у этого наследства было слишком много полноправных наследников. Она сама не хочет, чтобы Ингвар делил все унаследованное и завоеванное. Там, где прежде было три-четыре державы, теперь одна. И мать считает, это правильно. Она говорит, конунги древности напрасно делили свои владения, стараясь дать каждому из сыновей по собственной державе. Поэтому многие из древних родов теперь существуют только в сагах. Но ведь ни один из тех конунгов не владел и четвертью того, что здесь! – Хакон раскинул руки, будто пытался очертить небокрай. – Есть почти прямой водный путь из Хедебю и Бьёрко до середины земли славян, а оттуда – такой же прямой путь в Грикланд и в Серкланд. Почти у меня на глазах Ингвар захватил Смоленскую землю – пряжку, которая соединяет эти два пути, и теперь там живет Тородд. Я понимаю, что мать права: глупо было бы опять резать этот путь на кусочки только ради удовольствия говорить, что-де нас трое братьев и все мы конунги. Я никогда не предаю моего родного брата и не посягну на то, что принадлежит ему – за себя могу поручиться. Но мы не можем ручаться, как поведут себя наши

дети и внуки, когда нас не будет в живых. Двоюродные братья нередко готовы убить друг друга за наследие общего деда, ты понимаешь?

– О боги мои! – Я всплеснула руками. – Мне ли этого не понимать! Мой родной дядя поднял мятеж против моего отца и изгнал его из Киева, которым тот владел по праву, как наследник деда. И Эльга, его жена, тоже с нами в родстве, но разве это их остановило? Ты ведь знаешь эту сагу?

– Да, я слышал, что люди киевские...

– Люди, разумеется. Те люди, что привыкли мечом добывать себе богатство и славу, и их не устраивал слишком миролюбивый князь, каким был мой отец. К счастью, почти все эти отважные воины утонули в Греческом море. Я слышала, греки говорят, что их бог наказал русов за злобу, жадность, вероломство – по отношению к грекам и к их собственному законному князю. Сигге Сакс – ты ведь его уже знаешь? – один из немногих, кто в тот раз вернулся с Ингваром живым. О моем отце бог его дедов позаботился: он занимает стол своих предков в Велиграде. Ну, то есть, я уверена, скоро вновь будет занимать, когда разделается с уграми...

– У Ингвара ведь с Олегом мир?

– Да. Когда он утвердился в Велиграде, то заключил с Ингваром договор о мире, дружбе и торговле. Ингвар не раз посылал ему дружину на помощь, когда наседали Зольта и Файса, а потом Такшонь. Ингвару ведь тоже приятно знать, что внук Олега Вещего не вернется на Русь... Через Деревя постоянно ездят торговые обозы из Киева – из Хазарии на запад, к моравам и дальше. Это всем приносит огромные выгоды, так что глупо было бы не помириться.

– А чем торгуют? – любопытствовал Хакон.

– Туда везут меха, мед, воск. Челядь, если возьмут где. Обрато везят соль из Баварии, угорских жеребцов, разные ткани, оружие. Рейнские мечи... Правда, с этими войнами в Моравии последних трех-четырёх лет купцов мало. Но Свенельд получает десятую долю от каждого товара за провоз через Деревя. То, что раньше получали князья Дулебовичи. Понимаешь, как его здесь за это «любят»... И тот, кто сменит его, очень сильно разбогатеет! И даже сможет с легким сердцем жениться на самой лучшей невесте, какую только сумеет найти! – Я улыбнулась ему, надеясь, он поймет мою мысль.

– Нет! – Хакон сжал мою руку и улыбнулся, но покачал головой. – Этому не бывать.

– Почему?

– После смерти Свенельда – мы же об этом говорим? – его преемник будет получать лишь треть от деревской дани и десятую долю торговых сборов. Все остальное пойдет в Киев. Никто, кроме Свенельда, не будет так самовластно распоряжаться этой землей и ее богатствами. Киевская дружина Ингвара с трудом терпит это сейчас и не будет терпеть после его смерти ни одного лишнего дня.

– Ты точно знаешь? Ты говорил об этом с Ингваром?

У меня похолодело в груди. Не так чтобы я не поверила – это звучало весьма правдоподобно, – но на меня морозом повеяло предчувствие неизбежных бед.

И никакая я не ясновидящая. Не надо уметь раскидывать руны, чтобы предсказать приход зимы, когда закончится лето и осень.

– Ингвар сам сказал мне.

– И даже тебе, его родному брату...

– И даже мне, его родному брату. По той же причине, по которой мать не велит мне жениться. Ингвар не хочет и не может позволить, чтобы Деревя опять стали отдельной державой, пусть даже принадлежащей его брату. Это теперь его земля.

Я нашла глазами детей: Добрыня и Малфа с веселым визгом носились по лугу, все в бурых пятнах от цветков «заячьей крови», которыми бросали друг в друга. У меня кружилась голова. Этот летний день, ясный и солнечный, полный зелени, запаха цветущих трав, где мальчик и девочка в белых рубашонках казались двумя живыми цветками – и то будущее, кото-

рого им почти не избежать. С самой свадьбы я знала, что мои дети будут рождены себе на беду! Меня выдали за Володислава ради мира между Дереванами и Русью, но тем, что родились на свет, мои дети уже стали мешать своей могущественной родне.

Но что я могла изменить?

– И все же... я бы так хотела, чтобы ты остался здесь, – повторила я.

– Ты же понимаешь... – Хакон подавил вздох. – Хотя ты и женщина, но я вижу, ты с детства наслышана об этих делах... И здесь, и в Киеве разные люди хотят от меня совершенно противоположных вещей. Но распоряжается всем мой брат Ингвар, и его воля такова, что я не смогу исполнить желание никого из них. Никого. Но это меня не тревожит... вот разве что ты... и твои дети.

Хакон тоже посмотрел на них. Малфа наткнулась на бурю лесную лягушку и было испугалась, зато Добрыня отважно ринулся на врага и теперь пытался поймать, прыгая за ней, сам вроде большой лягушки.

Не сказать чтобы мой сын был очень красивым мальчиком. Его светлые волосы прямо лежали на голове, не вились, а на лице с простыми чертами, без румянца, с немного широковатым носом и упрямым лбом – как у отца – уже сейчас проглядывал будущий мужчина, упрямый и основательный. Он почти никогда не плакал, зато нападал на любого врага, какой попадался на глаза – пока в основном на собственных нянек. У него уже имелся пяток деревянных мечей, вырезанных точь-в-точь по образцу русских и печенежских, и он что ни день требовал, чтобы Вторушка и Мыльнянка «выходили биться». Они потом не шутя жаловались на синяки, но Володислав был в восторге от сына, да и я не могла его за это ругать. Воинский дух был самым лучшим даром, который мой сын мог получить от судьбы и богов.

– Единственное, что могу обещать, – проговорил Хакон, не отрывая от Добрыни глаз, – если тебе и твоим детям понадобится моя помощь, я сделаю для вас все, что только будет в моих силах. Я не для того в такие годы стал дедом, чтобы порастерять внуков!

Об этом я не рассказывала Соколине, пока мы с ней сидели возле котла и следили, чтобы вода не закипела. Горячий настой постепенно принимал все более густой красновато-бурый цвет, а я объясняла детям: отвар не должен кипеть, иначе цвет изменится. Потом я повела их мочить пасмы. Пусть это были чисто женские заботы, Добрыня и к ним относился с таким же увлечением и пылом, как к битве на деревянных мечах. Еще два года сын будет при мне, будет делить со мной и сестрой наши женские труды и забавы, а потом... Невольно я уже видела его взрослым: вот ему вручают меч, вот он сидит на коне, в хазарском шлеме, под которым я его едва узнаю...

– Мам, ты заснула? – Добрыня потянул меня за рукав, и я опомнилась. Эко куда залезла...

Встав на камни, мы стали мочить пасмы белых, тонко спряденных шерстяных нитей осенней стрижки: я пряла их всю долгую зиму. Мокрые мы клали в ведро; иной раз Добрыня нарочно позволял какой-нибудь уплыть и кидался в воду, чтобы ее поймать. Малфа бегала за ним и вопила, и когда мы вылезли на берег, они оба были мокрыми.

Только теперь, пока я глядела на них, у меня стало веселей на сердце. Когда-то и мы с Ростисшей так же резвились на отмели днепровского берега... Правда, мой брат был тихим, болезненным мальчиком, и бегали в основном мы с Делянкой, а он сидел на песке, строя городки из песка и разных палок. Часто с нами ходили Дивиславичи: Соломка, Вестимка, Дивуля, Живлянка, а еще дети боярыни Уты – Улеб, Святанка, Держанка... Святша тоже приходил, хотя мы, девчонки, его не занимали, и он все норовил увести мальчишек в овраги играть в «осаду Цесареграда». Даже, помню, раз пытался рыбацкую долбленку на колеса поставить, чтобы по суше ехать под парусом и очень сердился, что не выходит. В другой раз играл в «аварский плен» и желал, чтобы «женщины», то есть мы с девчонками, везли его, запрягшись в волокушу. Мы, то есть я и две Дивиславны, тогда были уже невесты, но и маленькие дочки

Уты везти волокушу не пожелали. Семилетний Святша (это было в год моей свадьбы) сердился и говорил, что раз есть такое предание, значит, надо. Улебушка тогда предложил сразу перейти к битве за освобождение пленниц и тем нас всех спас от аварской гибели...

И все же нам тогда было весело. Хотела бы я, чтобы все наши дети так же играли вместе, и эта ватага вышла бы куда больше. Но детей моей подружки Деляны я, наверное, не увижу никогда, уж слишком далеко она уехала – на другой край земли, на Волхов, в Ладогу. Это даже дальше Хольмгарда, откуда родом моя мать. А вот Дивуля, как мне рассказал Хакон, недавно родила четвертого мальчика. С ее старшими мои уже могли бы играть, но увы: с мужем, воеводой Асмундом, она живет на Ильмень-озере... Как причудлива жизнь: будто играющий камешками ребенок, она берет людей из разных мест, смешивает в одну кучу, а то вдруг передумает и разбросает по разным концам белого света. А мы все помним друг друга, все надеемся, что когда-нибудь снова будем вместе...

Чада носились по песку, пока чуть не опрокинули ведро с щелоком – я едва успела подхватить. Вторушка стала снимать с них рубашонки и вытирать своим подолом, а я побросала пасмы в котел с настоем. Соколина неподвижно сидела возле него, уставясь в огонь и даже не замечая нашей возни у воды – а в любой другой день она уже была бы такой же мокрой, как оба мои детки. От сумрачной думы ее крупные черты отяжелели, глаза потемнели.

– Что ты такая мрачная, тученька осенняя? – наконец спросила я. – Как там у вас мой родич? Не нашли, кто ему колючку под потник подсунул?

– Да эти два дурня подсунули, – угрюмо ответила Соколина.

– Какие два дурня? – Я постаралась улыбнуться. – У вас много таких, мне и невдомек – которые два?

– Ольта с Кислым! – гневно воскликнула Соколина и наконец посмотрела на меня. – Вот два балбеса! Думали, он с коня грохнется, вот им смеху будет! А если бы шею свернул? Отец их к Перемилу отсылает.

– И правильно...

– Только отец... ой, матушки, и сама не верю, что это все взаправду! – Соколина отобрала у меня длинную ложку и яростно помешала пасмы в котле. – Отец... я уж и не знаю, что думать... он и выпил тогда всего ничего... Всегда же говорил, что не отдаст меня замуж, пока жив, а теперь...

– Да ну! – ахнула я. Несмотря на вчерашний разговор с Хаконем, я не оставила эту мысль, и намек на то, что у Свенельда она тоже есть, меня обрадовал. – Неужели он думает тебя за...

– Кабы все так просто! Если бы думал... как люди... и то я... – Соколина бросила ложку на землю и стала расхаживать возле костра. – Очень мне надо! Подумаешь – солнце красное!

– Ладно тебе! – Я попыталась ее поймать и успокоить, но она оттолкнула мои руки. – Чем тебе Хакон не жених? Он княжьего рода, у него родня такая богатая, сильная, от Восточного моря до Греческого всеми землями владеет! А сам он и собой хорош, и всем взял! И ты будешь моей... – Я рассмеялась, так позабавила меня эта мысль. – Он – мой вуй, и ты будешь моей вуйкой!

– Он хочет, чтобы твой Пламень-Хакон его убил! – выпалила Соколина, отталкивая руки, которыми я хотела ее обнять на радостях.

– Что? – Я так и замерла с поднятыми руками. – Убил, ты сказала? Кто кого? Хочет?

– Отец мой хочет, чтобы Хакон его убил! – внятно повторила Соколина.

– Кого – его? – Я все не могла взять в толк, откуда у Свенельда вдруг взялся такой враг, ради избавления от которого он нуждается в помощи Хакона.

– Да отца моего!

Я, кажется, ни разу не видела, чтобы Соколина плакала. Даже упав, разодрав коленки, она лишь закусывала губу и гневно сверкала глазами, будто негодовала на свою боль. Но сейчас ее лицо так исказилось, словно она готова была разреветься.

Я потрогала свой лоб – как обычно. Потрогала ее лоб – немного горячее, но все же не жар.
– Ты захворала или я?

– Отец мой захворал. – Соколина снова села на бревно и уставилась в огонь.

– Кипит! – закричал Добрыня и кинулся расшвыривать поленья, чтобы уменьшить жар.

– Умница моя! – Я погладила его по голове, но глядела при этом на Соколину. – Чем таким воевода захворал, если дальше жить не хочет?

Только этого еще не хватало! Конечно, в такие годы никто здоров не бывает, и все Свенельдовы хвори я знала наперечет: прострел, грудная жаба, горлянки, пристающие к нему каждую весну и осень... Но от всего этого есть сильные зелья и нужные слова, и воевода вовсе не так мучился, чтобы не хотеть жить!

– Он желает умереть в битве, – устало выговорила Соколина. – Или на поединке, от руки достойного противника. Чтобы не дожидаться «соломенной смерти»⁵ и не попасть в... ну, какое-то там дурное место. И он придумал: заставить Хакона биться с ним насмерть. И если Хакон победит, то отец пойдет в свою Валгаллу, а Хакон получит меня в жены и все наше добро. Я тоже не верила! – крикнула она, глядя в мои выкаченные от изумления глаза. – Думала, он шутит! А потом пошла к нему, когда он спать ложился. И он сказал: все правда! Сказал, он стар! Не хочет ждать!

– Но ведь раньше он говорил...

– Передумал! Сказал, от молодых мало толку, и лучше, чем этот, уже не дожидаться! Этот хотя бы родной сын его драгоценного Олава конунга! Сказал, многие достойные люди в древности делали так... ну, умирали на войне, которую сами затеяли. Харальд Боезуб и еще какой-то...

Про Харальда Боезуба я знала. Он был предком нашего материнского рода, и мать рассказывала нам с Ростом о нем и о битве при Бровеллире, еще пока мы были совсем маленькие. И мы слушали об этом столько раз, что теперь я без запинки пересказывала эту повесть и моим детям. И о Хедине я тоже знала, который каждую ночь бьется с Хагеном, похитителем его дочери Хильд. Всякий раз они поражают друг друга насмерть, но Хильд колдовством оживляет их, и смертельная схватка повторяется снова... Жуткое сказание, но Добрыня его очень любит. Мне вдруг представилось: Хакон и Свенельд, израненные, окровавленные, стоят друг против друг с мечами и щитами, а поодаль – Соколина с поднятыми руками, творящая волшбу... Никакой волшбы она, конечно, творить не умела, кто бы ее тут научил, но все это было так дико, что я содрогнулась. Просто невыносимо!

– Я не верю! – вырвалось у меня. – Блажит воевода, морочит вас!

Соколина не ответила, но по ее лицу было видно: она хотела бы со мной согласиться, да не может.

– У вас опять все кипит! – раздался вдруг рядом голос моего мужа.

И поразил меня как громом. Откуда тут взялся Володислав? Я обернулась: он стоял у меня за спиной и смотрел в костер.

Котел и правда закипал: предательские пузырьки тянулись снизу вверх в буром отваре и издевательски лопались у поверхности.

– Я увидел со стены, как ты пытаешься утопить моих детей, и пришел их спасать! – Володислав подхватил на руки подбежавшую к нему Малфу и подкинул в воздух.

Я охнула и принялась торопливо ворошить поленья. Пора добавлять квасцы. Но если я уже успела все испортить, то вместо красновато-коричневого получится просто бурый...

Мне грозило загубить немалую долю зимних трудов, но я едва соображала, что делаю. Все казалось, я сплю, потому что наяву всего рассказанного Соколиной ну никак не могло быть!

⁵ Соломенная смерть – от болезни и вообще любая смерть, не связанная с войной и сражением, позорная для воина и закрывающая путь в Валгаллу. (Прим. авт.)

* * *

На берегу мне было лишь стыдно перед мужем, что я чуть не проворонила покрас. Не обратила внимания на то, что он слышал часть нашей беседы с Соколиной, и не подумал, что из этого может выйти. И не узнала бы, если бы в тот же вечер не рассыпала снизки.

Это было мое любимое ожерелье: его мне оставила мать, когда уезжала из Киева. Сама она его привезла из Хольмгарда в числе своего приданого. Когда-то оно состояло из тридцати трех стеклянных бусин, черных, одни с белой волной, другие – с белыми, синими, зелеными «глазками» и «ресничками». С тех пор я, криворукая, его уже роняла, четыре «глазка» раскололись. Вместо них я в последние года повесила узорные бусины из серебра, которые мне отец присылал из Моравии, так что все равно было очень красиво.

Но когда бусин так много, ожерелье получается тяжелое, и рано или поздно любой шнур или ремешок рвется. Наступал вечер, пора было собирать ужин, но сначала покормить и уложить детей. Они догуливали с Вторушкой и Мыльнянкой у реки, я послала за ними, а сама пока стала одеваться – тут ремешок и оборвался. Часть бусин закатилась за мою самую большую укладку – в ней я привезла приданое, и до сих пор там хранилось самое ценное мое платье и прочее добро. Я присела, заползла за угол укладки и впотьмах стала шарить по полу – черные бусины плохо видно.

Скрипнула дверь, кто-то вошел. Я подумала, что это Мыльнянка вернулась, хотела позвать ее на помощь и попросить огня, но не сразу смогла встать: уже собранные бусины я складывала в подол. А потом раздался голос:

– Да как ты сделаешь, чтобы он один без дружины остался?

Это был голос Маломира. Сперва я просто постыдилась предстать перед ним в таком виде – сидя на полу и с бусинами в подоле, – но потом до меня дошло...

– Не выйдет, – продолжал он. – Вот если на тропе ловушку поставить, то он и попадет – у него конь-то лучше, чем у его людей, я вчера посмотрел. Веревку натянуть поперек... Может и убиться. Или покалечиться как.

Тут уже я присела пониже и застыла. Дружина? Ловушка? Мне мгновенно пришел на ум Хакон.

– Все бы хорошо, но как его заставить по той самой тропе скакать? – раздался в ответ голос Володислава. Он говорил приглушенно, видимо, продолжая разговор, начатый где-то снаружи и ставший слишком неподходящим для чужих ушей. – Будет гон. Как знать, куда дичь побежит? Через весь лес веревку не натянешь.

Они помолчали. Скрипнула скамья: кто-то из них сел к столу.

– Если бы его как-то от дружины оторвать... – опять заговорил Володислав. – По голове дубиной дать, из седла вынуть, а ногу в стремя оставить. Да и хлестнуть коня! Потом, когда поймут, там от головы такое месиво останется, что уж ни Ингвар, ни сам леший не докажет, что было...

– А как ты его от дружины оторвешь?

Они помолчали. Я едва дышала.

– Ладно, думай! – Судя по звуку, Маломир встал.

За дверью послышался веселый гомон. Я облилась холодной дрожью: дети меня вмиг найдут, и эти двое узнают, что я все слышала!

К счастью, Маломир уже шел к двери: с детьми он встретился за порогом, я слышала, как они весело приветствуют дедушку и показывают какой-то особый камешек с берега. «Ты у мамки тесемку возьми да на шею повесь – будет тебе оберег!» – наставлял Добрыню тот.

– Стой, дядька! Придумал! – вдруг закричал Володислав и побежал за ним. – С нами же девка поедет!

Дети с двумя челядинками ввалились в избу, и мужчины никак не могли продолжать свой разговор здесь. На мое счастье, они отошли уже достаточно далеко и не слышали криков чад, обнаруживших меня на полу за ларем.

Я оставила их собирать бусины, а сама, сжимая свою добычу в кулаках, села к столу. Меня не держали ноги – не то от ужаса, не то от того, что я слишком долго просидела скрючившись. Они не назвали имени, но замысел был совершенно ясен. На кого они умышляли – на Свенельда или на Хакона? Почти наверняка на Хакона – к Свенельду они как-то притерпелись за много лет, а вот в его возможном преемнике увидели нешуточную угрозу. Володислав сразу заподозрил, что Хакон прислан сюда Ингваром неспроста – да и что между древлянами и полянскими русами может быть спроста! А теперь... мы утром говорили с Соколиной о том, что Свенельд задумал уступить Хакону свое место... и Володислав это слышал!

Было трудно дышать, и я знаком велела Вторушке подать воды. Прижала руку к груди, но там теснило, будто навалилась на сердце большущая черная жаба. И протянула липкие лапки к моему горлу.

Меня разрывало на части: хотелось немедленно вскочить и мчаться куда-то со всех ног, чтобы все это предотвратить, но иная сила требовала сидеть на месте, не подавая вида. Дать себе время как следует подумать, прежде чем произнести хоть одно слово.

Выпив воды, я стала глубоко дышать.

– На солнце перегрелась, – пояснила я в ответ на удивленный взгляд Вторушки.

– Мама заболела! – завопила Малфа и обхватила меня.

Я подняла ее и посадила на колени, обняла, чмокнула в висок. Это помогло мне прийти в себя. Дети. В этом деле надо поворачиваться очень и очень осторожно, чтобы ради сильных вооруженных мужчин не подставить под удар тех, кто не может за себя постоять.

Чего они хотят – понятно. Не такое уж диво, если человек гибнет на охоте. Когда несешься по лесу вскачь за косулей, жизнь твоя ничего не стоит – споткнется конь о коряжку, полетит кувырком, вышвырнет из седла, и готово... Бывает и так, что конь волочит за собой всадника с застрявшей в стремях ногой. Как пересчитывает головой все стволы и камни, его потом свои не признают... Даже если выживешь при падении, можно покалечиться... а уж опозориться – это самое малое. Свенельд ведь говорил о состязании...

Девка! При мысли о состязании мне пришли на память последние слова мужа: «С нами девка поедет». Да, Соколина собирается на лов с отцом, Хаконем и Володиславом. Ей-то ничего не стоит скакать по лесу во весь опор – ну, у нее же нет детей... Но не может быть, чтобы она что-то знала о замыслах моих мужчин!

В этот вечер у меня все валилось из рук. Даже Володислав, когда пришел с Житиной и Званцем ужинать, заметил, что со мной что-то не так. Пришлось и им сказать, что на солнце перегрелась, и уйти в свой кут за занавеску. Там я села на лежанку и взялась за голову, которая чуть не лопалась от мыслей, опасений и порывов.

Когда мне было девять или десять лет, я пережила войну моего родного дяди с моим же отцом. К счастью, все случилось быстро, обошлось без больших погромов, меня и мать не затронуло. (Много лет спустя я уразумела, что за быстроту и хорошую подготовку смуты надо благодарить того же Свенельда и его сына Мистину, в доме которого я провела последние года перед замужеством). Но с тех самых пор я поняла: бывает и так! Потом родители уехали, а меня оставили: я уже была обручена с Володиславом и отец считал нужным сохранить уговор и сдержать слово. Дальше я росла сначала у Эльги, потом у ее сестры Уты, среди детей – своих и приемных, то есть Дивиславичей, осиротевших в ходе войны Ингвара с ловатичами. Они видали кое-чего похуже, чем я. С тех пор я знала, что бывает и похуже... Четырнадцать лет меня отвезли в Деревя, и хотя жизнь моя протекала здесь довольно мирно, я постоянно помнила, что этот мир – лишь блестящая поверхность глубокой, холодной и опасной реки.

И вот впереди заиграл водоворот. И дело было даже не в Хаконе. Я уже любила моего дядю, но думала сейчас не столько о нем, сколько о детях. Если он погибнет у моего порога, Ингвар этого так не оставит. Именно сейчас, когда Свенельд стар и ему нужна замена, князю руси особенно важно показать окрестным родам: он в прежней силе и хватка его не ослабла. А если мой дядя пойдет ратью на моего мужа... Что будет со мной и детьми?

На этом мои мысли останавливались, будто впереди были две льдины, неумолимо грозившие сомкнуться над нашими головами. И чтобы этого не случилось... Хакон должен изловчиться, чтобы проскользнуть между ледяными горами и уйти отсюда живым.

* * *

Давно уже рассвело, солнце высушил росу, белесые полосы тумана рассеялись над ближним ельником. Пора было трогаться в путь, и Кислый уже не раз заглядывал во двор из-за ворот, где ждал с лошадью. Поскольку их отсылали в наказание, Сигге велел дать Ольтуру и Кислому всего одну лошадь на двоих: пожитки везти и ехать по очереди, если уж очень притомятся. И это оскорбление Ольтур тоже не намерен был прощать рыжему красавцу, которого числил во всем виноватым.

И хотя час был уже не ранний, Ольтур упорно сидел под навесом у воеводской избы. И ждал. Не было сил уехать, не повидав ее на прощание.

Наконец дверь скрипнула и отворилась. Вышла Соколина. Нагнувшись под низкой притолокой, она не заметила Ольтура, но он выбросил руку и схватил ее за ногу под самым краем зеленого подола. Соколина взвизгнула и отшатнулась.

– А в лоб? – с негодованием воскликнула она, но шепотом, и плотно прикрыла дверь, чтобы не услышал воевода. – Ты чего тут сидишь, будто пес? Я думала, ты уже за три поприща уехал!

– И не жаль тебе было, что не повидала меня на прощание? – Ольтур встал на ноги.

– Чего жалеть? – Соколина уколола его взглядом, теперь уже снизу вверх. – Или я за десять лет на тебя не налюбовалась?

– А теперь тебе и без меня есть кем любоваться, так? – Ольтур оперся о стену возле ее головы, нависая над ней, но Соколина не сдвинулась с места.

Вместо этого она повернулась к стене, оперлась на нее ладонями и уткнулась в них лицом, всем видом выражая решительное нежелание смотреть на белый свет.

– Ну... ты чего? – Ольтур нерешительно тронул ее за плечо, но она дернулась, сбрасывая его руку.

– Никого вас видеть не хочу! – простонала она глухо. – Что вы все как с ума посходили? Будто леший какой всех разом обморочил. Корнями обвел! И тебя, и отца...

– Знаю я этого лешего! – Ольтур сердито сверкнул глазами в сторону гостевой избы, где еще почивал Пламень-Хакон со своими людьми. – Уж будь моя воля, я бы его пинком под зад отправил... обратно в лес! Ну, Соколина! – Он все же взял ее за плечо и попытался повернуть. – Ну, хоть взгляни на меня! Увидимся ли еще? Или увидимся, когда ты уже...

Он не сумел выговорить «замужем будешь», только бросил на гостевую избу еще один негодующий взгляд.

– Рано еще меня хоро... снаряжать! – Соколина повернулась, прижалась спиной к стене. Лицо ее выражало привычную решимость. – Отец ведь сам сказал: сперва он должен меня одолеть. Сказал, и дружина слышала. Вот пусть и одолеет. Много чего придумать можно: стрельба, скачка... На моей Аранке меня не всякий и мужчина догонит! – Она глянула на Ольтура, который в таком же случае ее не догнал, и повеселела. – Вот на лов поедем – посмотрим, кто из нас больше дичи настреляет! Меня ведь тоже не в дровах нашли – с позором этот женишок от нас уберется!

– Ты уж смотри... – Ольтур взял ее за плечи и заглянул в лицо. Она стряхнула его руки, но он продолжал: – Постарайся! Не давайся ему!

– Ты! – Соколина вдруг сама повернулась и крепко взяла его обеими руками за рубаху на груди, будто собиралась бить. Но Ольтур даже не дрогнул. – Ты меня учить будешь? – с сердитым напором продолжала Соколина. – Постарайся! Да уж я постараюсь! Тут не обо мне речь! Отец ведь не шутит! Если Хакон меня одолеет, отец сам с ним будет биться! Ну-ка, прикинь: Хакон моложе вдвое, кто одолеет? Вот так-то!

Она прочла по лицу парня наиболее вероятный исход, который и сама прекрасно знала. Хакон сын Олава был высок ростом и находился в самом расцвете сил. Свенельд мог противопоставить этому только опыт, но этого уже было мало. И волю богов, на которую Соколина не собиралась во всем полагаться.

– Не за себя, за жизнь отца моего я буду стараться! – шипела она в лицо Ольтуру, чтобы Свенельд в избе как-нибудь не услышал. – И уж не тебе меня учить! Убирайся!

Она оттолкнула его и пошла через двор к погребу. Ольтур посмотрел ей вслед, и по лицу его расплывалась улыбка. Едва ли он мог надеяться, что она поцелует его на прощание, но услышанное и увиденное вдохновило его едва ли меньше поцелуя.

Вскоре они с Кислым, ведя в поводу престарелую лошадь, свернули под сень густого леса. На полянах уже припекало, но здесь висела утренняя прохлада. Кислый вздыхал время от времени, вовсе не радуясь ни предстоящему пути, ни службе под началом боярина Перемила. У того тоже имелась дочь-невеста, но она не шла с Скоколиной ни в какое сравнение.

Ольтур молчал. Перед глазами у него стояла Соколина, и он ощущал ее так ясно, как будто она шла с ним бок о бок и одновременно глядела ему в глаза. И он всем сердцем жаждал сохранить это драгоценное ощущение как можно дольше, даже не хотел разговаривать, чтобы его не расплескать.

Сквозь птичий щебет раздался негромкий, осторожный свист. Оба парня замерли, потом быстро огляделись: один налево от тропы, другой направо.

Слева из-за кустов показался человек. Был он не вооружен, и оба узнали Гляденца – человека боярина Житины.

– День добрый! Что-то долго вы добирались, с белой зари вас ожидаю!

– Чего это тебе нас ожидать? – с подозрением спросил Ольтур. – Перемилу поклон, что ли, передать?

В нынешние дни у Свенельдовых людей с Маломировыми не имелось свежих и нерешенных раздоров, тем не менее оба слегка напряглись.

– Просит вас боярин мой на беседу.

– В Искоростень не пойдем! – Ольтур решительно помотал головой. – И так поздно уже.

– В городец и не надобно. Он тут ожидает, поблизости, – Гляденец кивнул в сторону Людининых выселок из двух дворов, спрятанных в лесу.

– Чего ему надобно-то?

– А вот узнаешь. Да не бойся ты! – Гляденец снисходительно усмехнулся. – Делать князьям да боярам нечего, кроме как на вас умышлять!

Но Ольтур не спешил сходить с тропы, ибо никак не мог вообразить такого дела, которое к нему может иметь ближний человек Маломира, да еще тайное.

– Слышно, будто у вас состязание затеялось, – снова усмехнулся Гляденец и заметил, как переменился в лице Ольтур. – Ясный сокол ловить будет белу лебедушку. Так вот дело наше такое, чтобы не поймал! Идете?

– Идем! – разом решившись, Ольтур шагнул к нему.

* * *

Той ночью я почти не спала, но старалась не ворочаться, чтобы Володислав не заметил. Встала я, как обычно, раньше него; мне хотелось прямо сейчас, едва умывшись и прибравшись, бежать на Свенельдов двор, но чем бы я объяснила свою поспешность? Княгиня, чай, не вольно мне взбесится бегать... Да и Володислав, уж конечно, присматривает за мной. Он сам хотел, чтобы я поближе сошлась с Законом, и после каждой нашей встречи дотошно расспрашивал меня о наших беседах. Рассказывала я ему не все. Ведь ясно: чем больше он знает о моем дяде, тем легче найдет оружие против него. А сколько бы за последние шесть лет мне ни вбивали в голову, что полянские русы – наши враги и враги моих детей, я не могла забыть о том, что из них происходит моя мать и вся ее родня и дружина, среди которой я родилась и выросла. Древляне были убеждены, что у руси нет иной цели, кроме как унижать их и портить им жизнь, но я знала: это не так. Однако им, сидящим между Ужом и Тетеревом, сложно было вообразить цели руси, раскинувшей крылья от Ютландии до Серкланда.

– А что, подружка твоя придет к нам сегодня? – спросил Володислав, когда я подала ему и детям завтрак.

Сама я тоже села, но каша не лезла в горло, и я только допила за Добрыней молоко.

– Не знаю, – я подняла на него глаза, чуть ли не в первый раз со вчерашнего вечера.

Но тут же снова опустила взгляд.

– Тебе все нездоровится?

– Немного. А что тебе Соколина?

– На состязание вызвать хочу! – Володислав рассмеялся. – Не только же с тем рыжим ей наперегонки скакать, у нас тоже молодцы имеются!

– Да неужели думаешь одолеть? – я тоже попыталась засмеяться, не подавая вида, как меня задела его слова. – То-то Свенельд обрадуется!

Боги, ну почему все сразу? Мой муж с юных лет, то есть почти с нашей свадьбы, сделался весьма женолобив. Не было на моей памяти ни одного весеннего гулянья, чтобы он не гонялся за девками – чем кончались эти погони в глубине леса, я не спрашивала и не желала знать, хотя он и не скрывал от меня своей удалости. И на Соколину он глаз положил давным-давно: такую девку и слепой заметит, не то что мой «коршун». Правда, Соколина была выше него ростом и только смеялась в ответ на его намеки. А ссориться из-за девки одновременно со мной и Свенельдом Володислав не решался.

– А что бы мне и не выиграть? – Володислав вскинул голову, будто эта мысль пришла ему только сейчас. (Потом я заподозрила, что сама-то ему ее и подала.) – Свенельд сказал: кто над девкой верх возьмет, тот ее и получит. Сказал при дружине, все знают. Да и сама она вчера говорила. И если не русин верх возьмет, а я, – стало быть, и девка моя. Старику не отпереться, от своего слова не отказаться.

– Тебе нужна Соколина? – я придвинулась ближе и уперла руки в бока. – Или тебе одной жены мало? И девок мало, за какими все весну по лесу носишься? Детей тебе мало – вон мои двое, у Сеченихи твоей, у Жалейки твоей. Еще перечислить?

– Дура ты! – Володислав быстро встал, чтобы не смотреть на меня снизу вверх. – Мальцов только чужих считать умеешь! А того тебе невдомек, что кому девка, тому и... Заберу я его девку себе, не будет у старика иного зятя! С девкой вся его дружина ко мне отойдет, и посмотрим тогда...

Он осекся, но мысль я уже ухватила.

– Ну, Славуша, что ты взбеленилась? – Он обнял меня, кажется, поняв, что сам сгруппировался. – Чего там эти девки, я же тебя одну люблю! Ты – моя княгиня, и другой не будет никогда! И

Соколина... хороша она, а все же – холопкина дочь. Рядом с тобой ей не стоять и не сидеть. Ты ж сама ее по доброте сердца привечаешь, а ей ведь подле тебя, княжьей дочери, не место...

Но я высвободилась из его рук и пошла из избы. И вожеление его к моей подруге, и поношение ее рода были мне противны.

– Пошли за ней вот хоть сейчас! – крикнул Володислав мне вслед. – Да ладно, я сам пошлю.

* * *

Когда Соколина пришла, Володислава поблизости не было. Я сразу увела ее в овин, где на жердях длинным рядом сушились выкрашенные вчера пасмы – ну точно, как спящие вниз головой ночницы⁶. Несмотря на треволнения, покрас, в который я вовремя добавила щелок, получился хорош – красновато-коричневый, как осенние ягоды переспелого боярышника. Разглядывая их, мы даже на время забыли обо всем прочем. Но ненадолго.

– Так ты будешь состязаться с Законом? – спросила я, когда мы принялись выворачивать пасмы другой стороной наружу, чтобы лучше сохли.

– Еще как буду! – с ожесточением ответила Соколина. – Пусть не думает, ему тут все на хвалынском блюде принесут!

– Но неужели он тебе совсем не нравится? – Я подошла и прикоснулась к ее плечу, чтобы заставить посмотреть на меня.

Зачем я так сказала? Ведь понимала уже, что этот брак ломает наш устоявшийся мир и принесет всем одни беды. Но они были бы такой прекрасной четой! Оба такие рослые, сильные, красивые, отважные... Как бы я хотела увидеть их рука об руку!

– Я не пойду замуж! – Соколина повернулась и с вызовом взглянула на меня. – Ни за него, ни за Перуна самого, хоть он сейчас ко мне на порог спустись! Ты же слышала: отец хочет меня выдать за него, а сам... умереть. Моя свадьба – его тризна. Я этого не позволю!

– Но, ягодка моя! – я стиснула руки в отчаянии. – Тебе нужен муж! И ты уже девка давно взрослая, и Свенельд не вечен. Когда-нибудь...

– Вот «когда» настанет, тогда и будем плакать! – прервала она меня. – Да нет, я и тогда не буду! В поляницы уйду! Возьму дубину, буду по степи скакать и печенегов бить!

Она засмеялась, а я зажала себе рот ладонью.

– Были же раньше девки, что на рать ходили, не хуже парней! Помнишь, твои моравы приезжали, рассказывали про Любушу, у которой своя девичья дружина была? Я тоже себе девок наберу и дружину снаряжу! А если у нас такого не бывает, к морavam уеду, буду там угров воевать!

Я даже не знала, что ответить на эти лихорадочные речи с явственным привкусом безумия. Да, и у полян, и у норманнов, и у моравов есть предания о девицах-поляницах, валькириях и девичьих дружинах. Я даже от грека одного слышала, будто была где-то в степях целая держава, где жили одни баба да девицы, совсем без мужей... но греки не то еще сбредут.

Однако где мы, и где предания? Сколько ни мечтай, а жить приходится в этой вот жизни, которую можно потрогать...

– Ты как дитя, – горестно сказала я. – Добрыня тоже хвалится: вот пойду в чисто поле, Змеище-Горынице убью, двенадцать голов снесу, всех змеенышей конем стопчу, весь полон на волю выведу. Ему-то я отвечаю: само собой, Добрынюшка! Кашу доедай, чтобы сил набраться, и поедем в чисто поле. По кочкам, по кочкам... Но он-то – малец по шестому году. А ты куда собралась?

⁶ Ночницы – летучие мыши.

Соколина крепко сжала губы и уставилась куда-то в стену. Она была не так глупа, чтобы не понимать, какие глупости несет. А все из-за несбыточного желания, чтобы все в жизни оставалось как есть и никогда не менялось в худшую сторону.

Мне пришлось с этими мечтаньями расстаться девяти лет от роду. А ей было уже все семнадцать. До сих пор жизнь ее баловала, а чем позже, тем труднее привыкать.

На миг мне захотелось взять ее на руки, как Малфу, прижать к себе, приласкать, утешить... Да где – здоровá, не подниму...

– Вот вы где заховались! – Дверной проем потемнел, заслоненный человеческим телом, и вошел Володислав. – Что, Свенельдовна, кобылку-то свою золотую оседлала? Луки твои напряжены, стрелы изострены?

И тут я чуть не застонала от досады. Вот же я дура! Надо же было сказать ей – передать, что я вчера слышала, сидя на полу за укладкой. Предупредить, чтобы остерегалась, а лучше и вовсе не ездила на этот проклятый лов.

Но поздно, время упущено. При Володиславе я ничего такого уже не скажу.

С досады я застонала про себя и укусила согнутый палец, но муж, к счастью, смотрел не на меня. Он широко и дружелюбно улыбался Соколине, в его светлых глазах под широкими бровями-крыльями было знакомое мне шальное выражение, говорящее о том, мой «коршун» нацелился на добычу. Чтобы он там мне ни врал, мысль заполучить ее нравилась ему сама по себе, не ради Свенельдова наследства.

Да тут нашла коса на камень. Несчастное выражение на лице предводительницы девичьей дружины сменилось надменностью и вызовом.

– Мою Аранку и ветру не догнать! – Она взглянула на Володислава так, будто это она была здесь княгиня.

– А вот я и попробую! – усмехнулся он. – Примешь меня в супротивнички?

Соколина удивленно посмотрела на меня: ей раньше не приходило в голову, что одним Законом дело не ограничится.

– Как же мы состязаться будем?

– А вот так: дичь поскачет, мы за ней. Ты смотри на меня: как я тебе свистну, скачи за мной. Кто первый дичь настигнет да подстрелит – того и верх. Идет уговор?

– Не сама я себе супротивников выбираю, – подавляя досаду, ответила Соколина. – Кого отец укажет, тот и будет.

– Идем к отцу! И с ним потолкую, и с Якуном вашим. Идем!

Володислав хотел приобнять ее за плечи и повести из овина, но она увернулась и пошла вперед него к светлому дверному проему. Они ушли в сияющий летний день, а я осталась стоять в полутьме. Ничего я тогда не понимала. Володислав, казалось, забыл о Законе и всем сердцем предался мечте завоевать Соколину. Не сказать чтобы я очень беспокоилась об этом, хоть речь и шла о моем муже. На пути к этому замыслу стояла такая гора каменная – воевода Свенельд, – что я могла об этом сердца не тревожить. И все же не оставляло чувство, что где-то меня обошли. Где, ёжкина кость?

* * *

С отъездом Ольгура молодая дружина поуспокоилась. И в этот день, и на следующий Логи-Хакон уже не ловил на себе столько вызывающих взглядов. Иные обращались с ним дружелюбно, расспрашивали о северной державе старого Олава: у иных оттуда происходили отцы, старые оружники Свенельда, но сами они тех земель никогда не видели. К их числу принадлежал и Бьольв сын Гисмунда – учтивый, неглупый молодой мужчина. Довольно рослый, худощавый, с продолговатым лицом, небольшими светлыми, с легкой рыжиной усами, не достигавшими маленькой светлой бородки, опушившей подбородок. Черты лица у него были довольно

привлекательные, на чуть длинноватом носу имелась небольшая горбинка – след перелома. Брови и полудлинные волосы, которые он носил опрятно собранными в хвост, были чуть темнее бородки. Одевался он хорошо, в гридницу на ужин являлся в крашеной одежде, но и по утрам во время упражнений не ходил в рванье, в отличие от некоторых других. Не шее носил небольшой серебряный «молоточек Тора», а по бокам его два волчьих клыка – намек на его имя⁷. По всей его речи и повадке было видно человека хорошего рода.

Разговорившись утром во дворе, он повел Логи-Хакон смотреть кузницу, где изготавливалось и чинилось все вооружение дружины. На большом дощатом ларе лежали в ряд с десятком новых наконечников копий и рогатин: здесь были подходящие для охоты «крылатые» наконечники с упором под лезвием, чтобы не входили в тело жертвы слишком глубоко.

– Возьми себе какой-нибудь! – улыбнулся Бьольв. – Я знаю, у тебя есть, но раз уж мы поедем завтра на лов все вместе, пусть у нас будет одинаковое оружие. Мы ведь друзья... я хочу сказать, друг нашего вождя может рассчитывать на нашу поддержку.

Бьольв был не настолько знатного рода, чтобы набиваться в друзья сыну и брату князей, и Логи-Хакон оценил его приветливость и умение знать свое место.

– Я буду рад, если у нас у всех будет одинаковое оружие, – улыбнулся он в ответ. – Тогда никто не сможет сказать, что мы находились в неравных условиях и поэтому наше состязание было нечестным.

– Мы и не сможем... – Бьольв на миг опустил глаза, – когда-либо стать в равные условия. Ведь ты – сын конунга, а среди нас никто не может похвалиться особенно высоким происхождением. Почти все мы – сыновья свободных и честных отцов, но едва ли хоть в ком-то из нас, кроме самого Свенельда, сыщется капля королевской крови.

– А этот пышноволосый... Ольтур, кажется, его зовут? – Логи-Хакон едва ли обманывался насчет природы чувства, которое упомянутый отрок к нему питал.

– Ольтур... Он сын торговца, проданного в холопы за долги. Свенельд – мы все тогда еще жили в Киеве – взял его к себе и тем спас от такой же участи. Ему тогда не было и двенадцати, но Свенельд видел, что из него выйдет толк. Поэтому Ольтур так предан ему... и для нашего вождя ему все кажется недостаточно хорошим! – улыбнулся Бьольв.

Логи-Хакон понял, что тот хотел сказать. Конечно, им всем неприятно видеть того, кто может заполучить лучшее Свенельдово сокровище. Логи-Хакон отлично помнил, как обожала отцовская дружина его сестру Альдис, старше него на четыре года. Все ее отрочество и юность прошли у него на глазах, и он каждый день видел, какие взгляды на нее бросают юные отроки и даже зрелые хирдманы Олавова дружины. Над кем-то они смеялись, кому-то старший брат Тородд давал в зубы, чтоб не забывался, кому-то Альдис улыбалась украдкой... до тех пор пока, через год после женитьбы Ингвара на Эльге, не приехали плесковские бояре и не увезли Альдис в жены младшему княжичу Судимиру. И так бывает всегда и везде, когда у вождя имеется семья с дочерьми. Поэтому Логи-Хакон находил совершенно естественным то, что молодая дружина Свенельда сохнет по его дочери и волками смотрит на того, кому вождь подумывает ее отдать.

Вот только была между Альдис и Соколиной некая разница, которую Логи-Хакон понимал, а эти парни, кажется, нет...

– Возьми вот этот, – Бьольв взял один наконечник с ларя, повертел в руках, бросил обратно. – Или вот этот. – Он взял другой, потом еще один. – Какой тебе больше нравится?

Он протянул Логи-Хакону оба – на выбор. Наконечники блестящие, хорошо отшлифованные и остро отточенные. Оставалось только насадить на древко.

– Вот этот, – Бьольв подал ему один. – Нравится?

– Хорош, – согласился Логи-Хакон. – Спасибо.

⁷ Бьольв – «пчелиный волк», то есть иносказательно медведь. (Прим. авт.)

У него имелось в достатке хорошего оружия на любой случай, но он не желал обидеть отказом этих людей. Он, правда, не собирался становиться их вождем, но это не значит, что с ними можно ссориться. Его судьба неразрывно связана с судьбой брата Ингвара, а эти люди входят в «большую дружину» потомков Олава. И только Один ведает, когда им придется встать в общий строй против кого-то из многочисленных врагов Русской державы.

* * *

За день собственные хирдманы Логи-Хакон раздобыли подходящую жердь и насадили подаренное копьё. Халльгрим вручил его Логи-Хакону, когда тот собирался в гридницу на ужин, и тот взял рогатину с собой: пусть Свенельдовы люди видят, что он ценит их дар и хочет быть с ними в дружбе, насколько это зависит от него.

И они это заметили. Когда Логи-Хакон прислонил копьё к столбу возле своего места, к нему сразу устремились десятки глаз. Перехватив иные из этих взглядов, он даже удивился про себя: непохоже, что они оценили его дружелюбие. Но Бьольв улыбнулся, а больше никто ничего не сказал: похоже было, что с отъездом Ольтура Бьольв занял место вождя молодых, и никто не смел идти ему поперек.

Свенельд тоже заметил у гостя обновку.

– Вижу, уже снаряжился? – хмыкнул он. – Не терпится пуститься за моей косулей?

– А мне казалось, князь приглашает нас в свои уголья. – Логи-Хакон прикинулся, будто его не понял. – И нам предстоит гнаться за *его* косулями.

– Я сочту тебя дураком, если ты вздумаешь гоняться только за теми, что на четырех ногах! – Добродушная шутливость Свенельда мигом превратилась в досаду. – Или нам тут нечего есть? Или нам не хватает мяса и мы затеяли все эту хлопотню ради кабаньей ляжки? Нет! Мы это затеяли, чтобы посмотреть, хватит ли у тебя силенок догнать мою дочь! Ну-ка, дайте мне это копьё!

С застывшим лицом Логи-Хакон кивнул Халльгриму. Тот взял копьё и пересек гридницу, чтобы вручить его Свенельду. Тот осмотрел новый наконечник и такое же новое древко.

– Видно, еще не бывало в работе? – Держа оружие на коленях, он глянул поверх него на гостя. – Не пробовало ничьей крови?

– Нет, мне лишь сегодня поднесли его в дар твои люди.

– Мои люди... Стало быть, нельзя сказать, удачливо ли это оружие.

– Я привык считать, что удачливой бывает рука. Знаешь, верно, как говорят: смелый одержит победу и неточеным мечом.

– Нет, так не пойдет! Если прямо сказать, я и твою-то удачу пока в глаза не видел! Не хочу, чтобы потом ссылались, мол, оружие оказалось неудачливо!

– Я не намерен ссылаться на неудачливость оружия! – При всех стараниях сохранять спокойствие Логи-Хакон начал закипать. Со стариком не было сладу. – Я сам отвечаю за свои удачи и неудачи и не позволю...

– Ты у меня в доме! А значит, моя удача скажется во всем, что здесь произойдет! Поэтому ты поедешь на лов вот с этим!

Свенельд махнул рукой, и кто-то из его отроков снял со стены старую рогатину – с наконечником, хорошо отчищенным, но уже заметно сточенным за многие годы, с потемневшим, потертым древком, на котором ясно отразилась долгая служба. Возле втулки виднелись глубоко врезанные в дерево, но уже полустертые и плохо различимые рунические знаки. Логи-Хакон разобрал только руну Соулу: видимо, для привлечения побед. Наносить руны на оружие – старинный обычай, который сейчас уже редко встречается. Олав конунг, например, имел хороший меч, на котором была сделана простая надпись «Гуннар сделал меня, Олав владеет мной», как принято теперь.

– Уж это оружие никого не подведет! – продолжал Свенельд. – За него могу поручиться я, да и мой отец, уж лет сорок сидящий с Одним, не даст соврать!

Чуть дрожащей рукой он приподнял свой драгоценный кубок и коротко глянул в кровлю, будто предлагал обитателям небесных палат выпить с ним заодно.

– Это удачливое оружие. – Старик отпил из кубка, чтобы промочить горло. – Дальше все зависит только от тебя. И если уж ты не справишься, значит, не хватило удачи тебе самому! А я возьму вот это! – Он кивнул на новую рогатину, прислоненную к столбу его сидения. – Уж у меня накопилось столько удачи, я не сплосаю с любым ковырялом, что попадетя в руки!

Даже если кто-то из сидевших за длинными столами для дружины при этих его словах переменился в лице, то ничьего внимания это не привлекло. Даже если кое-кто и обменялся потрясенными взглядами, то никто не усмотрел в этом ничего необычного.

– Видно, это прекрасная вещь! – Логи-Хакон улыбнулся, чувствуя: пора объясниться напрямую. – Было бы обидно потревожить такое заслуженное оружие напрасно. Но случай, мне представляется, не так уж важен, чтобы ставить на кон удачу всей жизни человека. Я могу пообещать, что постараюсь раздобыть как можно больше дичи, дабы мы и наши люди могли устроить пир и повеселиться. Но едва ли это состязание повлечет иные последствия.

В гриднице стало тихо. Свенельдовы отроки уже почти свыклись с мыслью, что рыжеволосый брат Ингвара киевского если не станет мужем Соколины и преемником их старого вождя, то, по крайней мере, будет стремиться к этому изо всех сил. Награждая его мысленно собственными чувствами и мечтами, они как-то упустили из виду, что он пока ни о чем подобном не просил.

– Я не расслышал, – Свенельд наклонился ближе к нему через гридницу. – Что ты сказал?

– Я сказал, – громко и внятно, однако с почтением повторил Логи-Хакон, – что мы затеваем лов и не более того. Я не прочь позабавить тебя состязанием, готов даже скакать наперегонки с твоей дочерью, если есть на то твоя воля, но судьбу моей женитьбы решит моя мать, а судьбу твоего наследства в Деревской земле – мой брат, князь Ингвар. Хотел бы я, чтобы мы понимали друг друга по этому поводу и не давали оснований для кривотолков.

Лохматые брови сдвинулись над волчьими глазами Свенельда. Он наливался мрачным гневом, будто туча – грозовой чернотой. Даже Соколины, которая было встрепелась при этих словах Логи-Хакона, вдруг испугалась и пожелала, чтобы они не были произнесены или означали нечто другое – не отказ от нее.

– Ты говоришь, маль... ты говоришь, я уже не вправе распоряжаться моим домом и моей дочерью? – прохрипел Свенельд.

– И не думал я отказывать тебе в праве распоряжаться тем, что принадлежит тебе. – В наступившей тишине, где десятки людей затаили дыхание, голос Логи-Хакон прозвучал немного напряженно, но ясно и четко. – Однако никто не в силах распоряжаться тем, чем владеет кто-то другой. Без согласия моей матери, дроттнинг Сванхейд, и моего брата, князя Ингвара, я не возьму на себя никаких обязательств насчет брака и тем более не стану решать судьбу чужих владений.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что моя дочь недостаточно хороша для тебя? – гневно крикнул Свенельд, не вникая в слишком тонкие для его досады намеки.

И он, прорубив стену этих доводов, вместо того чтобы искать хитро спрятанную дверь, весьма успешно достиг цели. Логи-Хакон встревожился, поняв, что и Свенельд, и, похоже, Предслава видят в Соколине подходящую для него жену. Он не вполне понимал сам, нравится ли ему эта девушка, и, пытаясь это решить, думал о ней довольно часто. Поначалу она показалась ему не особенно красивой, но привлекла необычностью своих повадок; она раздражала, задевала, лишала покоя, приковывала взгляд и мысли, и теперь он уже не придавал значения тому, красива ли она.

Но она родилась от рабыни. От пленницы неведомого рода. Она не могла стать законной женой ему, внуку конунгов и брату князя. Потомку Харальда Боезуба, а через него – и самого Одина. Свенельд несколько забылся, навязывая побочную дочь в невестки своему вождю, пусть и покойному. Заслуги, богатство, почет, влиятельное положение запорошили ему глаза, и он забыл, что все же не ровня сыновьям Олава. Знатные люди, случалось, женились на побочных дочерях конунгов, но где когда бывало наоборот?

Все ждали, что сейчас Свенельд вскочит, сорвет со стены топор или метнет в дерзкого свой кубок. Но вместо этого хозяин, помедлив немного, откинулся к спинке сидения.

– Так я и знал! Ты считаешь, что дочь рабыни недостаточно хороша для тебя. Но сдастся мне, ты еще маловато испытывал свою удачу и не можешь решать, что хорошо для тебя, а что нет. Завтра у тебя будет такой случай. Ты будешь состязаться с ней, и если уступишь девчонке, над тобой будут смеяться от Квенланда до Греческого царства. Такой слабак мне в зятя и не годится, так что проваливай домой к своей мамаше... ну, к уважаемой дроттнинг Сванхейд, с низким поклоном от меня. А если ты все же возьмешь верх над девчонкой, значит, твоей удачи хватит на то, чтобы хоть *попытаться* одолеть того, кто удачу испытывает без малого пять десятков лет! Ты схватишься со мной. И если докажешь, что твоя удача больше моей... тогда и будешь сам решать, что с этим делать дальше! Эй, дочка! – Старик обернулся к Соколине, застывшей, будто береза, с кувшином в руках. – Налей ему еще пива, а то он что-то малость побледнел. Или мне кажется?

Хозяин захохотал, смех перешел в кашель. Соколина, будто проснувшись, подошла к Логи-Хакону и стала лить пиво в его кубок. Потом подняла взгляд. В их глазах – его светло-серых и ее золотисто-желудевых – отражалось одинаковое убеждение: мы в ловушке!

* * *

Вечерело. Возвращались с луга коровы, челядь гнала их в хлевы Свинель-городка, устроенные в клетях на внутренней стороне вала. Челядинки шли доить. Соколина, как всегда, ушла с ужина раньше всех, чтобы проследить за дойкой. Но едва ли она сегодня видела хотя бы то, что делают ее собственные руки.

К стене коровника снаружи небрежно привалились двое. Бьольв жевал травинку, и только самый пристальный взгляд различил бы, что руки у него дрожат. Лис сидел на земле, и на его лице не отражалось ни малейшего беспокойства.

– Давай я сам с ней поговорю, – негромко промолвил он.

Всякий, кто видел их в этот час, мог подумать: парни вышли подышать перед сном и болтают лениво – о том, что и всякий день, и ни о чем по существу.

– Почему ты? – В отличие от Лиса, Бьольву приходилось притворяться невозмутимым. – Я ведь ему в руки дал.

– Но придумал-то я.

Из хлева вышла Соколина с засученными рукавами. Лицо у нее было мрачное. Оба парня, так и не успев договориться, разом подались к ней. Движение их было столь слаженным и хищным, что она невольно вздрогнула от неожиданности и шагнула назад. Потом узнала их.

– Это вы! Чего бродите, как мары полуночные?

– Тебя ждем, – кивнул Лис. – Пойдем-ка отойдем.

– Не пойду! – Соколина вцепилась в косяк. – Надоели вы все мне до смерти!

– Пойдем! – Лис мягко, но крепко взял ее за локоть. – Разговор есть. Нужный.

Лис и в дружине, и в хозяйской семье был известен как человек, слов на ветер не бросающий и по пустякам шуму не подымающий. Поэтому Соколина лишь вздохнула из самой глубины души и покорно пошла с ним к вдоль стены к клетям, где хранились припасы. Иные из них сейчас, пока зрели хлеба, стояли пустыми. Лис открыл дверь, кивнул туда Соколине; она

помотала головой, тогда он зашел сам, чтобы скрыться с глаз проходящих по двору, а девушка встала так, чтобы ее прикрывала отворенная дверь. Бьольв, в душе радуясь, что Лис взял все на себя, отошел на пару шагов и сел со скучающим видом наземь – следить, не подойдет ли кто слишком близко.

– Видела рогатину, какую твой отец в избу забрал? – сразу начал Лис.

– Забрал? – Соколина нахмурилась.

Она ушла из гридницы раньше мужчин и не видела, как Свенельд удалился на покой, опираясь, будто на посох, на древко новой рогатины, которую так самовластно выменял у Логи-Хакона. Не так чтобы ему требовалась подпорка, а просто взбрело в голову взять ее с собой и тем выразить нерушимость своих решений.

– Он забрал в избу рогатину, которую взял у рыжего, – подсказал Бьольв. – Ты же видела, как они менялись?

– Ну? – мрачно ответила Соколина.

Ей вспомнился последний взгляд, которым они обменялись с Логи-Хаконем. В тот миг ей впервые пришло на ум, что он-то, в отличие от Ольтура, Володислава и еще многих, вовсе не жаждет ею завладеть. И она до сих пор не поняла, обрадовало ее это открытие или задело. Веселости, во всяком случае, на сердце не прибавилось.

– Забери ее оттуда.

Лис выразился предельно ясно, но Соколина воззрилась на него в недоумении.

– Пойди в избу, и если воевода уже спит, забери эту рогатину, – повторил Лис. – Принеси ее мне. А взамен положишь вот эту.

Он кивнул на рогатину, родную сестру той первой: новое древко, новый наконечник из тех, что лежали в кузне на дощатом ларе. Парни принесли ее с собой и пока положили наземь под стеной клетки, чтобы не бросалась в глаза.

– Зачем? – в упор глядя на него, спросила Соколина.

– Так надо.

– Чего вам надо?

– Просто пойди и сделай, если тебе отец родной дорог! – прошипел Бьольв, у которого едва хватало сил таить раздражение.

Обычно он держался гораздо хладнокровнее, но весь этот вечер его била дрожь при мысли, что он своими руками, можно сказать, подсунул вождю негодное оружие. Но кто же мог подумать, что старику втемяшит в голову меняться с гостем?

– Что с ней не так?

– С ней все не так. – Лис не видел смысла запираяться, Соколина ведь все равно не смирится с тайной. – Если только ее в дело пустить, нажать – наконечник и отвалится. Ты же не хочешь, чтобы твоего отца... кабан порвал?

Соколина немного подумала. Кажется, Логи-Хакон сказал «твои люди поднесли»?

– Это вы ему... подсунули? – в ужасе прошептала она.

– Да мы ж не для него! – опять прошипел Бьольв. – Это не для старика! Кто ж знал, что он ее себе утянет? Удачи у него многовато, йотунов ты свет, желает раздавать!

– Вы... – Соколина чуть не задохнулась. При виде Бьольва ей на ум пришел Ольтур и то, за что он был изгнан в Веленеж. – Вы...

– Тише! – Лис лишь чуть подался к ней, но взгляд его светлых глаз и напугал, и отрезвил Соколину: она умолкла и плотно прижалась спиной к стене. – Нечего болтать. Иди забери рогатину, если старик спит. Эту положишь на ее место – он не заметит.

Соколина сглотнула, но не нашла в себе сил отлепиться от стены и продолжала стоять неподвижно. Ей хотелось закричать, ударить кого-нибудь... Мысли неслись свистящим вихрем, и с каждым мгновением сердцем прочнее овладевала холодная жуть пополам со жгучим негодованием.

Они хотели убить Хакона! Колючка под седлом была хоть и весьма опасной, но все же шалостью. А вот негодная рогатина перед ловом – это уже смерть. Или тяжкое увечье. Но почему? Что Логи-Хакон им сделал? Ее женская сущность возмущалась тем, как эти люди, среди которых она выросла и считала их своими чуть ли не названными братьями, безжалостно распорядились судьбой человека – молодого, полного сил, знатного, доблестного и, главное, ничем их не обидевшего! От волнения ей с трудом удавалось связать обрывки мыслей, все эти «зачем?» и «почему?». Сама она надеялась лишь обскакать Логи-Хакон во время состязаний и тем лишить права свататься к ней – раз уж отцу взбрело на ум поставить такое условие. Дальше этого ее строптивость не шла.

– Мы хотим уберечь старика! – Лис обеими руками мягко, но крепко взял ее за плечи и тем заставил обратить на себя внимания. – Ты все знаешь сама: он заставит рыжего состязаться сперва с тобой, потом – с ним самим. Ты же не хочешь, чтобы рыжий его убил? Твоего отца? Ты ведь тоже хочешь, чтобы все оставалось как есть и мы проводили его на тот свет как можно позже?

– Я... еще рано... он еще... меня не одолел...

Соколина не могла смотреть Лису в глаза – слишком холодны и безжалостны они были. И впервые ей пришло на ум, что она совсем не знает этого парня, который прожил при ее отце уже... лет десять и выглядит вчерашним отроком, хотя уже десять лет назад был вполне сложившимся мужчиной и воином. Это Лис еще лет восемь назад, когда Свенельд в последний раз ходил с Ингваром в степь, взял в плен печенега Багишку – тот потом долго жил у Свенельда, именно он научил Соколину скакать по-степняцки, приподнимаясь в стременах.

– Когда он тебя одолеет, будет поздно, – напомнил Лис. – Тогда нам придется... дать ему противника помоложе воеводы, а это уже чревато ссорой с Ингваром и прочими сварами. А так... всякому своя судьба.

– Он сам выбрал, – добавил Бьольв, которому теперь казалось, что так оно и было. – Я ему несколько рогатин предлагал, он эту взял. Но может, еще и обойдется. Или она выдержит. Или кабанов не поднимем.

– Пойдем! – Лис оторвал Соколину от стены и мягко подтолкнул в сторону срединной площадки городка, где стояла воеводская изба. – Забери рогатину, и все будет хорошо. Даже рыжему ничего не грозит, у него хорошее оружие осталось. Выдохни.

Соколина зашла в избу, но тут же вышла с пустыми руками: Свенельд еще не спал, ворочался и кашлял. Во сне он храпел, как три медведя, поэтому ошибиться было трудно.

– Не торчите здесь! – Ей было противно видеть Лиса и Бьольва. – Давайте вашу рогатину! Вот сюда положите, под крыльцо, чтобы не видно было. Я потом ту вынесу и сюда же положу. Уходите!

– Мы не... – Бьольв протянул к ней руку, отчаянно желая оправдаться.

Но она уже отвернулась и ушла.

* * *

На дворе еще не стемнело полностью, но все оконца в воеводской избе были заволочены – от комаров – и висел мрак. Соколина вошла, стараясь шуметь как можно меньше, и села на скамью возле самой двери, возле лохани. Отец не спал: вместо привычного храпа она слышала временами покашливание. Еще нельзя. Надо обождать.

Соколина не любила плакать и делала это очень редко: для слез она была слишком самолюбива и упряма. Но сейчас ей хотелось разреветься от досады.

Рыжий Хакон ворвался в ее жизнь, будто факел в овин. Все еще не полыхало, но уже было очень близко к этому. Для Соколины отец тоже был одним из тех волотов, на костях которых стоит мир, но только он был жив и вечен. Казалось, он так крепок и упрям, что никакие волны

времени его не сокрушат. К единственной дочери Свенельд всегда был добр и снисходителен, давал ей полную волю. Десять лет назад, когда она пожелала выучиться стрельбе, он не стал напоминать, что «ты же девчонка», а выдал ей наставника – старого алана по имени Гозар. То же касалось верховой езды: он сам купил ей у угров красивую соловую кобылу, которую она назвала угорским же именем Аранка – «золото». Свенельд лишь смеялся, что по цене своей кобылка оправдывает это имя. Соколина болтала в гриднице с отроками куда охотнее, чем посещала супрядки у Предславы, сколько та ее ни зазывала. О том, что когда-то девушке с такими привычками придется идти замуж, и помину не было. Соколина жила счастливо и не задумывалась о будущем.

И вот с углов ее беспечального существования потянуло дымом. Не враг лихой, а сам отец родной задумал все это разрушить. Сбыть ее замуж, а самому отправиться в Валгаллу! Еще чего! Соколина даже в мыслях не посмела бы сказать об отце, что «старикан-то трёхнулся», как говорили отроки, но признавала, что у парней есть основания так думать.

Мысли ее о женихе, то есть Пламень-Хаконе, были весьма беспорядочны. Глупо спорить: он весьма хорош собой, держится учтиво, но твердо, а знатностью рода не уступит никакому князю. Все в ней противилось мысли о переменах, но не сказать чтобы Логи-Хакон был ей противен сам по себе. Ну, может быть, когда-нибудь, если через много-много лет отец все-таки умрет... а набирать себе девичью дружину ей не захочется...

Однако судьба не намеревалась давать ей столько времени. Отец вдруг решил устроить все прямо сейчас: ее свадьбу и свои похороны. За эти несколько дней Соколина поверила: он не шутит. Ей ли было не знать упрямства своего отца: если сказал, сделает так, значит, сделает!

И вот, пока она пыталась привыкнуть к мысли, что этот рыжий – ее будущий муж... Пусть отец поставит ему условие, что он не станет запрещать ей забавы, к которым она привыкла в девичестве...

Так вот, не успела она все это обдумать, как оказалось, что решать ее судьбу взялся не только отец! Все эти, кого она помнит мальчишками, подносящими стрелы, тоже наострились прясть нити Рожаниц! Засели у подножия Ясеня среди старушек норн и принялись резать ей жребий! Ольтур, Бьольв, Лис и даже раззява Кислый собираются пойти против воли вождя и отнять у нее жениха! А у самого Хакона – жизнь.

А ей-то, Соколине, что теперь делать? Рассказать отцу она не смела, предвидя страшную бурю в привычном мире дружины. Хватит того, что Ольту с Кислым выгнали из дома, а без них уже как-то все не то... Обсуждать с самими негодьями она тоже не будет. Из женщин Соколина дружила только с Предславой – не поговорить ли с ней...

Но Предслава – родная племянница Логи-Хакона. И уже приняла его в свое сердце как дорогого и любимого родича. Понятно, что она скажет, стоит ей хотя бы заподозрить...

А может, она что-то уже знает! Соколина вспомнила, какой беспокойный вид был у Предславы в последние дни, как наливались тревогой ее глаза при упоминании Логи-Хакона...

Тишину избы прорезал раскат натужного храпа. Будто разбуженная, Соколина встрепенулась.

Спит!

Сердце оборвалось: пришла пора действовать. Она встала, но не сразу сдвинулась с места, а еще немного послушала привычные налеты рева и рычания, несущиеся со стороны отцовской лежанки.

Рогатина. Новая рогатина, которую отец у всех на глазах взял у Логи-Хакона в обмен на свою старую. Потому что «нажать – наконечник и отвалится». Она же не хочет, чтобы ее отца кабан порвал?

А они хотели, чтобы кабан порвал Логи-Хакона. Все очень просто и понятно...

Соколина стояла неподвижно, но ей казалось, что она идет в темноте по жердочке над пропастью. Один неверный шаг, даже просто неловкое движение – и... «в ямку – бух!», как говорит Предслава, качая на коленях какое-нибудь из своих чад.

Но эту рогатину у отца надо забрать. В пожелании ему долгих лет они с Лисом, по крайней мере, едины.

Соколина неслышно сделала несколько шагов и принялась шарить по стене. Она не видела, где отец поставил рогатину – большая часть его оружия хранилась в гриднице, здесь был только меч у лежанки и боевой топор в ларе, – но вскоре нащупала длинное древко. Тихо забрала его и двинулась наружу.

На полпути замерла, чувствуя, что в избе как-то подозрительно тихо. Но тут тишина взорвалась храпом, и Соколина, успокоенная, толкнула дверь.

Она вышла на крыльцо и огляделась. Сумерки заметно сгустились, ворота городка были давно закрыты, повисла тишина. Все спали, кроме дозорного десятка на стене: челядь отдыхала от дневных трудов, отроки отсыпались перед завтрашним ранним подъемом. С рогатиной в руке Соколина ощутила прилив спокойствия и мужества. Что она, в самом-то деле, разнюнилась, как... как девка!

Теперь ей было ясно, что делать. Ради Предславы, ради чести отцовского дома, ради мира в земле Деревской она не может допустить гибели Логи-Хакона, родного брата Ингвара киевского. А для Свенельдовой дружины, в общем, безразлично, умрет он или просто исчезнет с глаз. И для нее самой тоже... да!

Все так же, с рогатиной в руке, она уверенно направилась к гостевой избе. Искать кого-то из челяди, объяснять, подсылать, ждать – на это у нее сейчас не было ни времени, ни терпения. Поэтому она просто вошла под навес гостевой избы, толкнула дверь и ступила в темноту.

И тут же споткнулась об кого-то: этот кто-то лежал на полу возле двери и вскочил, услышав скрип. Наверное, копьё в руке ночного пришельца он увидел раньше, чем все остальное, поскольку успел предостерегающе вскрикнуть, отскочил и тоже хватил какое-то оружие.

– Да тише, дурни! – вполголоса крикнула Соколина, плотно закрывая за собой дверь. – Мне надо с вашим князем потолковать.

Во тьме зашуршало, раздалась возгласы: «Кто здесь?». Заволоки на оконцах были отодвинуты ради духоты, и, когда глаза привыкли, Соколина разглядела обитателей избы: частью они свешивали головы с полатей, частью уже стояли на полу: босые, в исподнем, с топорами и мечами в руках. Иные и со щитом. Будто ждали...

Даже летом вождь и его приближенные занимали место в середине спального помоста, возле очага. По летнему времени очаг не горел, но среди приподнявшихся фигур Соколина узнала Логи-Хакона.

– Кто это? – спросил он.

– Дочь Свенельда, – ответил ему кто-то возле двери.

– Ты хочешь поговорить со мной?

В голосе Логи-Хакона слышалось вполне ожидаемое удивление, но Соколину оно почему-то задело. Как будто простой разговор меж ними ему казался чем-то невероятным! А еще жених!

Тут она вспомнила, что он-то ей в женихи не набивался, и стало обидно. И чего она притащилась к нему среди ночи, с рогатиной в руке, будто валькирия!

– Не могла бы ты обождать снаружи, совсем немного, – мягко попросил Логи-Хакон. Теперь в его голосе слышалось уважение, и у Соколины немного отлегло от сердца. – Я буду рад поговорить с тобой, но хотелось бы сперва одеться.

– Я буду позади дома. Приходи поскорее. И пусть здесь будет тихо!

Соколина вышла, огляделась: двор по-прежнему был пуст. Она зашла за угол и прислонилась к стене, опираясь на рогатину. Почти сразу за угол заглянул какой-то парень из Хако-

новых хирдманов – убедиться, что здесь не засада. А потом появился Логи-Хакон: уже одетый, опять в ту же красную рубаху, с поясом, с заплетенными в косу волосами.

– Немного... неожиданная встреча! – Он неуверенно рассмеялся. – Ты хочешь обсудить... условия нашего состязания?

И посмотрел на рогатину в ее руке.

Мысль о том, что ее привели любовные помыслы, явно не пришла ему в голову. Соколине следовало бы этому порадоваться, но она почему-то ощутила досаду.

– Я хочу обсудить условия, как тебе уйти отсюда живым, – утомленно ответила она.

Логи-Хакон помолчал, потом спросил без удивления:

– Уже до этого дошло?

– Тебя уже два раза хотели убить. Один раз помешал ты сам, второй – мой отец.

– Этого хотел твой отец? – быстро спросил Логи-Хакон.

– Нет! – возмущенно воскликнула Соколина. – Мой отец никогда не позволит... ты гость в его доме... брат его воспитанника! И он правда хочет, чтобы ты его убил, а не он тебя!

– О боги! – Логи-Хакон с досадой ударил кулаком по стене. – Он все-таки не шутит?

– Нет!

– Я не буду этого делать! – Логи-Хакон посмотрел на Соколину так, будто это она его подбивала на убийство Свенельда. – Как я потом покажусь на глаза Ингвару?

И тут ему вдруг пришло в голову: если не сам Ингвар, то дружина Ингвара была бы ему весьма благодарна за этот подвиг. А значит, и Ингвар вынужден будет рано или поздно смириться и простить.

О боги! Не для этого ли его сюда послали, заботливо предупредив о тяжелом нраве Свенельда? От этой мысли похолодели жилы.

– Тебе и не позволят, – отчужденно сказала Соколина. – Вместо этого убьют тебя самого.

– Люди... ваши отроки?

Девушка кивнула.

– И у тебя есть один способ не стать ни убитым, ни убийцей. Везжай. Прямо сейчас.

Логи-Хакон помолчал. Не было нужды задавать вопросы «почему?» или «что я им сделал?». Он знал на них ответы не хуже, а то и лучше самой Соколины, потому что этот предмет был ему гораздо лучше знаком.

– Но я не могу позволить... Это будет выглядеть, как будто я сбежал... испугавшись состязания с женщиной!

Эта мысль пришла ему только сейчас и привела в ужас.

– Нет! – Логи-Хакон решительно мотнул головой. – Этого я сделать не могу.

– И что ты думаешь делать? – Соколина торопливо поставила рогатину к стене, сжала кулаки и подалась к Логи-Хакону, будто собираясь стукнуть для вразумления – как могла бы поступить с Кислым, Ранотой или Бримиром. – К моему отцу я тебя не подпущу! И парни не подпустят. Значит, ты предпочитаешь дурацкую смерть?

– А ваши парни так трусливы, что могут только посягать на чужую жизнь тайком?

– Они не трусы! – горячо возразила Соколина, хотя сама недавно в досаде подумала так. – Но они не хотят менять вождя!

– А впрочем, ты права, – согласился Логи-Хакон. – Здесь нет никого, кто был бы мне равен.

– Ах ты заносчивый щенок! – вдруг раздался рядом рев.

Соколина и Логи-Хакон разом вздрогнули и в невольном порыве подались друг к другу. Поскольку девушка все еще держала руки приподнятыми, будто собираясь драться, а Логи-Хакон опирался вытянутой рукой о стену, теперь это выглядело, будто они норовят слиться в объятии.

Из-за другого угла избы появился Свенельд: всклокоченный, лишь в сорочке и портах с простым поясом, и очень злой.

– Я сразу понял: ты уж слишком много о себе мнишь! – рявкнул он и шагнул к ним.

Соколина успела за один миг подумать сразу о многом. Недоценила она своего отца, а напрасно. Доблесть не пропьешь, как говорят старые хирдманы. Несмотря на годы, он оставался воином, который любого заткнет за пояс: бдительным, осторожным и терпеливым. Обманул ли он ее притворным храпом, или потом проснулся и обнаружил, что в избе нет ни дочери, ни новой рогатины, а это уж точно неспроста?

– Вот как ты не желаешь жениться на моей дочери! – продолжал он, медленно делая к ним шаг за шагом вдоль бревенчатой стены. – Ты, видать, решил обойтись без женитьбы и просто ее одурачить – ты вот попробуй-ка одурачить *меня!*

Пока он шел, эти двое не оставались безучастны. Логи-Хакон невольно пытался отстраниться от Соколина, чтобы не задеть ее в случае драки; Соколина, напротив, придвинулась еще ближе и вцепилась в его рубаху, надеясь таким образом не дать отцу на него наброситься. Со стороны это было очень похоже на некую любовную борьбу и лишь укрепило старика в его подозрениях.

– То он не будет жениться, потому что она не слишком для него хороша, а то он заманивает ее ночью за угол! Сам не знаешь, как быть с твоим негодным корешком, так я тебе его оторву напрочь!

– Это я его заманила! – крикнула Соколина в лицо Свенельду, повернувшись и прижавшись спиной к Логи-Хакону, чтобы заслонить его собой. – А не он меня!

Логи-Хакон молчал, не пытаясь снять обвинение, но Соколина никак не могла допустить, чтобы другой пострадал за ее собственную вину. Такого она никогда бы себе не простила.

Взяв девушку за плечи Логи-Хакон, попытался отодвинуть в сторону, но она упиралась изо всех сил. Приблизившись, Свенельд выбросил руку, ухватил дочь за основание косы – привычным движением, явно не в первый раз, – и отшвырнул прочь.

Освободившись, Логи-Хакон шагнул назад, дабы выбраться на простор, и приготовился к драке.

– Давай, старый хрен! – позвал он, с ненавистью глядя в угрюмые глаза Свенельда под косматыми бровями. – Довольно я тебя терпел, ляд тебя бей! Ты бранишь меня дураком и неудачником при моей и твоей дружине, распоряжаешься мной, будто своим холопом, но больше этого не будет! Если ты так прыток, то давай, выясним наконец, вправе ли ты давать волю языку!

Лицо Свенельда неожиданно прояснилось, и тут между ними вклинилось нечто весьма объемное.

– А ну прекратите! – с трудом пытаясь придать почтительность своему властному голосу, воскликнул Сигге Сакс. – Вы оба – слишком знатные и уважаемые люди, чтобы бить друг друга морды, будто отроки!

Оба противника невольно огляделись: вокруг было полно народу. С одной стороны столпились хирдманы Логи-Хакона, с другой – отроки Свенельда. Оружия ни у кого в руках не было, но решительные лица говорили о готовности постоять за жизнь и честь вождя.

– Я приехал не за тем, чтобы затевать драку с таким уважаемым человеком, – слегка задыхаясь, ответил Логи-Хакон. – Но всему есть предел. Ни одно застолье не обходится без того, чтобы меня угостили большим или малым оскорблением. И больше я не намерен терпеть этого, пусть бы ты был воспитателем троих моих братьев, а не одного!

– Убирайся отсюда! – рявкнул Свенельд. – Проваливай к твоему братцу! И передай ему: если он хочет знать, не снюхался ли я с Маломиром и не скрипят ли на ходу мои кости, пусть приезжает сам! Завтра на рассвете чтоб духу твоего здесь не было!

Он ухватил похищенную Соколиной рогатину, все так же стоявшую у стены, повернулся и пошел к себе в избу, опираясь на древко, как на посох. Через несколько шагов обернулся и кивнул дочери:

– Пошли домой! У меня пес есть рыжий, такого же внука не хочу!

Логи-Хакон вздрогнул и стиснул зубы, напряжением всех душевных сил удерживая себя в руках. Соколина вспыхнула, глаза обожгли слезы стыда и негодования. Но у нее больше не было сил, хотелось лишь скрыться от десятков этих изумленных лиц. Ни на кого не взглянув, она пустилась бегом, обогнала отца и скрылась во тьме.

* * *

Дура девка так и не сделала, о чем ее просили. Лис убедился в этом, когда уже в тишине, наконец сменившей шум и суету, пробрался к навесу воеводской избы и нащупал лежащую там рогатину, всеми забытую. Лезть самому в избу означало немалый риск – потому он и хотел, чтобы все сделала Соколина. Но оставить все как есть означало риск гораздо больший. Хладнокровно прикинув возможности, Лис решил.

Неслышно открыв дверь, он прошел в избу, нашарил возле воеводской лежанки древко и заменил одно на другое. Потом так же тихо вышел и отправился спать.

* * *

Когда Лис уже заснул, мысль о том же самом вдруг осенила Бьольва, который все ворочался и заснуть никак не мог. Он стал вспоминать: вот Свенельд стоит перед этими двоими, рогатина прислонена к стене... Потом старик берет ее и уходит, опираясь на древко... Йотунов ты свет, Свенельд забрал ту же самую рогатину, которую Соколина принесла!

Бьольв спустил ноги на пол и встал. Не обуваясь, неслышно скользнул к выходу из дружинной избы. Прошел через пустой и темный двор, пошарил под навесом воеводской избы. Вот она лежит! Так и есть – за шумом ссоры никто не вспомнил, что ее нужно было заменить!

Еще через несколько мгновений Бьольв вновь очутился под навесом с рогатиной в руке, но уже другой. Свою добычу он унес к кузне и положил у задней стены, чтобы никому на глаза не попала. До рассвета оставалось всего ничего...

* * *

На белой заре дружина Логи-Хакона, успевшая за ночь собраться в дорогу, стала выходить и выводить лошадей. Дозорный десяток открыл ворота, и Логи-Хакон на своем рыжем коне первым выехал из городка. На тихую избу Свенельда он лишь бросил беглый взгляд. Стыдно было уезжать, как выгнанный из дому бродяга, не оправдав надежд старшего брата... или было бы стыдно, если бы он твердо верил, что знает, в чем те надежды заключались. Однако сомнение, зароненное вчера вечером, за ночь только разрослось. Гнев и негодование заливали душу: собственный брат пытался использовать его, будто клинок, которому не сообщают, кого и почему владелец хочет лишить жизни! И чтобы не выглядеть дураком в своих и чужих глазах, стоит поскорее в этом разобраться.

В опустевшей гостевой избе стояла, прислоненная к столбу напротив входа, старая рогатина с полустертыми рунами на древке.

* * *

Встав наутро, Свенельд ни словом не упомянул, что здесь недавно был какой-то Хакон сын Олава. Однако отменить выезд на лов и не подумал. Напротив, он собирался с оживлением и охотой: засиделся, пора поразмяться! Пора показать этим жеребьятам, каков старый конь!

Соколина всегда любила ездить на лов. Отец разрешал ей сопровождать ловцов еще с тех пор, пока девочку не сажали в седло и ее брал к себе на лошадь кто-нибудь из отроков, и с тех пор эти дни бывали для нее самыми яркими и счастливыми. Даже если ей не удавалось ничего особенного подстрелить, она наслаждалась общей возбужденностью, лаем псов, криками кличан, азартом и духом состязания. Нравилось и скакать по лесу, и рассматривать добычу, и вечером сидеть на пиру, где усталые, но довольные отроки смеются, хвалятся и поддразнивают друг друга.

Но сегодня она села на Аранку, едва замечая обычную суету. Все ее мысли были во вчерашнем дне и особенно вечере. Отец ничего не сказал ей о последнем свидании с Хаконем, лишь пару раз она поймала на себе его насмешливый взгляд. Да неужели он подумал, что она и впрямь влюбилась в этого рыжего! Но даже опровергнуть это воображаемое обвинение Соколина не смела: было стыдно об этом заговаривать. Поэтому она выехала со двора, едва замечая и прочих ловцов, и взгляды, которые отроки бросали на ее ноги в стремях, видные из-под подола почти по колено.

На ногах были новые высокие чулки, связанные из пряжи, выкрашенной в красный цвет. Подарок рукодельницы Предславы. Натягивая их, Соколина сообразила, что ведь Предслава еще ничего не знает, и послала Осинку в Искоростень – рассказать все как было. Пусть подруга успокоится: ее драгоценный мордебро... модирбродир... или как его там, вуй, короче, уехал в целости домой, то есть в Киев, и ничего ему больше не угрожает.

Под кручами Искоростеня Свенельда ждал со своими людьми князь Володислав. Поклонившись с седла воеводе и кивнув его дочери, он продолжал шарить глазами по толпе ловцов.

– Будь жив, воевода! А где же... гость ваш? – крикнул он наконец Свенельду. – Проспал, ли? Поедем или будем ждать?

– Ждать не будем, – хмыкнул Свенельд. – Проспал, значит, проспал.

– Может, еще догонит?

– Может, и догонит! – Свенельд захохотал и пустил коня вскачь.

Видно, и его не тянуло рассказывать чужим людям, как постыдно закончилось знакомство с младшим братом киевского князя. А ведь мало какое известие сейчас порадовало бы Володислава больше этого!

Растянувшись длинной вереницей по тропам – сперва вдоль реки, потом через лес, поля, луга и лядины – обе дружины ехали довольно долго. Пусть их лежал к охотничьим угожьям искоростеньских князей, куда они пригласили киевского гостя, а отправились в итоге без него. Правда, не сказать чтобы Володислава это огорчало. Он был ловким и лихим всадником: в седле, где его недостаток роста был почти не заметен, он приобретал величавость осанки, которой ему не хватало на земле. Он ехал во главе дружины, далеко от Соколины, но порой оглядывался, пытаясь найти в строю ее платье, крашенное дубовой корой и крушиной в цвет темного вересового меда.

Ее тоже не тянуло на разговоры. И несколько раз она оглядывалась – не ожидая, конечно, что Логи-Хакон и правда их догонит, но желая убедиться, что этого не произошло. Сколько ни убеждала она себя, что он с белой зари едет совсем в другую сторону и сейчас уже так далеко, что его можно навсегда выкинуть из головы, – тем не менее ей казалось, он где-то совсем рядом, за плечом. Сейчас она с изумлением припоминала, что там, за углом гостевой

избы, они с ним чуть ли не обнимались на глазах у отца – а когда все это происходило, она вовсе этого не замечала!

Мысленно оглядываясь назад, вспоминая его напряженный, встревоженный взгляд, она вдруг с опозданием на один день разглядела в нем живого человека, а не просто нечто в красной рубахе и очень гордое собой. И именно сейчас, когда забыть о Хаконе сыне Олава было самым лучшим и разумным, она не могла отделаться от мыслей о нем и даже едва замечала, где находится. И почему-то его отъезд стал огорчать ее, будто утрата чего-то нужного и даже дорогого... Грустно было осознавать, что, вернувшись домой, она больше не увидит его красную рубаху и рыжую голову – ни во дворе, ни в гриднице, ни на луговине возле Искоростеня, где он почти каждый день гулял с Предславой и ее детьми. Сейчас Соколина вдруг пожалела, что не выходила к ним.

Но постепенно прекрасный летний день и скачка отвлекли Соколину от грустных мыслей. Эти уголья она уже знала: Володислав приглашал Свенельда сюда на лов каждый год. Чащи, кое-где прорезанные руслами речек, изобиловали дубравами и прочим листовным разнолесьем. Ловища менялись часто: какие-то участки леса вырубались и сжигались под пашню, какие-то поля после нескольких лет использования оказывались заброшены и постепенно зарастали лесом. Здесь охотно паслась копытная дичь: косули, лоси, олени объедали кусты и молодые деревца, которыми зарастали покинутые пашни.

Сейчас Володислав привел их как раз на свежую лядину, которая еще прошлой весной заседалась. Теперь она поросла сорняками, но была еще легко проходима и давала нужное для лова свободное пространство.

Когда подъехали, вдали уже слышался шум и перекличка рогов. Кличане, из числа жителей окрестных весей, шли широким полукольцом, охватив большой участок: трубили в рога, орали, били палками по деревьям и старались произвести как можно больше шума. Напуганное зверье гнали на поляну, где ожидали ловцы.

Едва успели расположиться, как по веткам побежали белки, а по траве – первые зайцы. Отроки стреляли по ним, состязаясь друг с другом, Соколина тоже застрелила одного, не сходя с кобылы. Довольный Ранота подал ей добычу, чтобы повесила к седлу.

– Хоть супротивник наш запоздал, я от состязания не отказываюсь! – крикнул ей Володислав, весело размахивая шапкой. – А ну давай с тобой: кто скорее дичь настигнет!

На дальнем краю лядины из-под кустов выскочил первый олень-четырёхлеток. Увидев людей, испуганно прынул в сторону и вновь скрылся в зелени; Володислав отчаянно свистнул, махнул рукой, давая понять, что это его добыча, и устремился за ней.

Но Соколина сидела на своей кобыле даже ближе к оленю. Вихрь азарта подхватил ее и толкнул вперед, туда, где голова с небольшими еще рогами показалась и почти сразу исчезла в кустах. После вчерашнего Соколине особенно хотелось отличиться. Вскрикнув, она послала Аранку вперед; пришлось приостановиться, чтобы не затоптать отроков. За эти мгновения Володислав вырвался вперед, но Соколина рванулась в погоню.

Рыжевато-бурая шкура делал оленя малозаметным в лесу, а скачущий впереди Володислав заслонял добычу, и лишь изредка, вскинув глаза, Соколина видела мелькающее белое пятно подхвостья. Олень мчался напрямик через чащу, оба ловца скакали за ним, и сердце Соколины так же прыгало между небом и бездной, как сама она подпрыгивала в седле, почти стоя на стремях. Чувство опасности и жажда догнать добычу смешивались в некий напиток, пьянящий сердце ужасом и восторгом. Начисто были забыты все ее тревоги и огорчения. Все исчезло, кроме белого пятна оленьего хвоста и спины Володислава, которая была так близка и все же чуть впереди...

* * *

Ольтур и Кислый сидели на земле, прячась в зарослях, по обе стороны полузаросшей лесной тропы. На эту тропу их привел еще вчера вечером Гляденец. «Сперва князь проедет, а потом... все и сделаете, – наставлял он. – Смотрите, князя пропустите, а злодей наш за ним будет».

Уловка была нехитрая: веревка, натянутая чуть выше груди всадника, непременно выбросит его из седла. Поначалу Ольтур, представ перед боярином Житиной, сгоряча согласился: после прощания с Соколиной он еще пылал негодованием и жаждал расправиться с «рыжим псом». Потом отчасти струхнул – все же дело было... грязноватое. «Это большая удача, что воевода вас прогнал с глаз! – убеждал Житина. – Якун – наш общий враг, и Ингорь легко догадается, что все мы желали ему гибели. Но именно при таком раскладе он никак не сможет найти виновных. Вы, в глазах Свенельда, уехали три-четыре дня назад и не можете быть причастны. А князь при нужде поклянется, что никто из его людей этого не делал – вы ведь не его люди! Мы избавимся от нашего общего врага, и никто из нас не попадет под удар. А со смелыми людьми... князь умеет быть щедрым!»

Эти доводы подкреплялись двумя ногами – оба парня в жизни не держали в руках таких денег, которые были бы их собственными. И вот теперь они расположились на земле за кустами. Один конец веревки был привязан к дереву на высоте плеч Хакона, сидящего в седле, – Ольтур, примерно такого же роста, прикинул по себе. Далее веревка была опущена наземь и пересекала тропу, после чего ее вновь подняли и перекинули через толстую ветку дуба на такой же высоте. Второй конец, свободный, Ольтур держал в руках.

Оба парня напряженно вслушивались, стараясь среди звуков охоты разобрать приближение своей «дичи».

– Слышь! – вполголоса крикнул через тропу Кислый.

– Чего тебе?

– Сперва Володислав проскачет, так?

– Ну?

– А за ним рыжий?

– Гляденец сказал, так.

– А как он его уговорит за собой скакать?

– Я почему знаю? Может, состязание у них.

– Ну, если так только...

– Не болтай, а слушай лучше.

К этому месту их привел Гляденец. Боярин Житина лишь добился согласия и вручил по ногате. Князя Володислава они вовсе не видели.

– Вон он! – отчаянно шепнул Ольтур. – Олень!

Олень пробежал мимо – не по тропе, проломился чрез подлесок и растаял в колыхании зелени. Но следом слышался конский топот и треск ветвей. Кто-то мчался вскачь, гонясь за оленем, но уже по тропе.

Кислый юркнул подальше в куст и затаился, боясь попасть под копыта. Ольтур осторожно выглянул: ну, точно, Володислав. И конь его. Князь вихрем промчался мимо, а позади него уже слышался шум приближения еще одного всадника – совсем близко.

Тут уже глядеть было некогда: Ольтур метнулся назад, вцепился в веревку, поспешно выбрал свободную часть, натянул, обернул конец вокруг дерева и уперся в землю в ожидании рывка...

Он успел расслышать изумленный короткий крик Кислого и только ругнулся про себя: чего вылез, дурноголовый, хочет все выдать?

Но тут же налетел топот копыт... ожидаемый рывок... и крик, женский крик, столь здесь неуместный! Конское ржанье, треск веток, шорох листвы, шум падающего в заросли тела... И тишина, в которой раздается лишь топот испуганной кобылы, налегке, без всадника, убегающей дальше по тропе...

* * *

В последние мгновенья Соколина потеряла из виду белое пятно подхвостья, зато хорошо видела спину Володислава. Он вырвался на тропу, но бежит ли олень по-прежнему впереди, она не видела и тем сильнее жаждала обогнать препятствие. Почти стоя на стремях, Соколина вытянула шею, пытаясь на скаку что-то увидеть через спину Володислава... И вдруг прямо из воздуха на ее лицо обрушился удар – в самое переносье.

Будь тут человек повыше ростом, как Хакон, ему веревка пришлась бы на горло.

Сила удара вышвырнула Соколину из седла, в котором она и так еле держалась. К счастью, ноги не зацепились за стремя, и через миг свободного полета она рухнула на кусты и скатилась наземь.

Она уже лежала на земле, но ей все казалось, что она продолжает лететь. В ушах стоял плотный гул, в глазах было темно и открыть их никак не получалось, будто их кто зашил! А заодно и нос оторвал – он не дышал, и она поспешно открыла рот. Сил на крик еще не было, и Соколина жадно втянула воздух.

Рядом кто-то был: ее тормошили, пытались приподнять, кажется, кричали что-то, но она не разбирала....

* * *

А Ольтур не мог поверить своим глазам. Вместо рыжего Хакона на траве у сломанных кустов лежала Соколина. Лицо ее было покрыто ссадинами, из сплющенного носа хлестала кровь, заливая нижнюю часть лица и платье. Перелом!

Выросший в дружине Ольтур хорошо знал, как это выглядит и что надо делать. Не задумываясь, он взялся за распухший девичий нос и дернул, ставя проломленную кость на место.

Соколина хрипло вскрикнула и вцепилась в его руки. И понятно – именно при вправлении сломанного носа перед глазами от боли расцветает зеленая вспышка. Но дело было сделано. Придерживая ее под спину, Ольтур рукавом рубахи попытался стереть кровь с ее лица. Откинул перекосившееся очелье, убрал и пригладил разлохмаченные волосы.

– Где вы! Парни! Стоять! Назад!

Из кустов высунулся перепуганный Гляденец и замер, увидев это зрелище: лежащая девушка с окровавленным лицом и грудью, а возле нее два изумленных отрока.

– Назад... – Он слабо махнул рукой, уже поняв, что опоздал, – не приехал враг наш...

Обнаружив, что Хакон в числе ловцов нет, он пустился бегом через лес, надеясь успеть предупредить «ловцов»: дичи не будет. Володислав сказал ему об этом, но сам, увлеченный желанием все же посостязаться Соколиной, не рассчитал время и не сообразил, что пеший гонец не успеет до места засады раньше всадников. Собственно, без Хакона Володиславу и не нужно было скакать именно туда, но он слишком много раз за эти дни прикидывал, как будет это делать, и привычная мысль повела его сама.

Пару мгновений Гляденец тарачился на лежащую в полубеспамятстве девушку, потом кинулся сматывать веревку, для быстроты рубя ее на куски поясным ножом.

Соколина застонала и пошевелилась, попыталась сесть. Прикоснулась к лицу и с криком отдернула руки.

– Тише! – Ольтур схватил ее за руки, покрытые сохнувшей кровью. – Не трогай! Перелом у тебя! Я вправил, заживет, но болеть еще будет. Ртом дыши.

Соколина наконец разлепила веки и устремила на него полубесмысленный взгляд. Этот парень ей был хорошо знаком, но она настолько не ждала увидеть его здесь и сейчас, что не верила глазам и считала, будто ей мерещится из-за падения.

– Кислый! – Ольтур обернулся. – За водой беги!

Поскольку парни ночевали у тропы, у них был с собой кувшин и котелок. Схватив то и другое, Кислый, не хуже того оленя, ломанулся через чащу к ближайшей речушке. Ольтур помог Соколине сесть, прислонил спиной к дереву.

В кустах зашуршало, и показался Володислав, верхом, ведя в поводу Аранку. При виде Соколины и Ольтура он переменялся в лице, выпучил глаза, хотел закричать... но закрыл рот.

Он же им объяснял! Он же всем им, кощеевым детям, десять раз объяснял! Сперва проедет он сам. Потом – Свенельдова дочь. А уж потом рыжий! Сперва – он, потом – Соколина, потом – Якун! А эти глуподыры натянули веревку сразу после него! И не поглядели даже!

Но Соколина уже пришла в себя. Поэтому Володислав невероятным усилием проглотил, буквально затолкнул в себя рвущиеся наружу слова и бросился к ней.

– Касаточка моя! Да что же с тобой!

Она отпихнула его протянутые руки, опасаясь, что любое прикосновение причинит ей боль. Прокушенный язык распух, и она сунула палец в рот, торопливо проверяя, целы ли зубы.

– Она... на ветку налетела! – брякнул Кислый, держа в дрожащих руках мокрый черный котелок. Дикий страх из-за содеянного сделал его изобретательным. – Тут ветка... где она была...

– На ветку, точно! – Ольтур оценил выдумку. – Хорошо, не убились...

У него сел голос. Сердце стучало в самом горле, глаза от потрясения лезли на лоб. Их спасли боги – как бы он жил дальше, если бы своими руками убил ее!

Ольтур бросил на Володислава зверский взгляд: вот кто все затеял! Собирался ловить Хакона, а вышло вон что...

Да, а Хакон-то где? Ольтур оглянулся в сторону тропы, но там было тихо.

Взяв у Кислого котелок, он помог Соколине кое-как обмыть лицо и выпить воды. У нее болела и кружилась голова, ее подташнивало, и пока она не задавала вопросов. Даже не спрашивала, откуда они двое, три дня как отосланные к Перемилу, здесь взялись. Но Ольтура проработала холодная дрожь при мысли, что будет, когда за разбор дела возьмется сам воевода. Это сейчас сойдет – про ветку. Он даже глянул вверх, нет ли там и правда подходящей ветки.

– Везите ее домой, – устало сказал Володислав. На лице его отражались досада и разочарование, от которых даже черты лица стали как-то резче. – Ты можешь сесть в седло?

– А-а... – выдохнула Соколина, и это следовало понимать как «да».

Она не была уверена, что удержится на лошади, но одно было ясно: лов для нее закончен.

* * *

До Свинель-городца ехали шагом – один из парней вел Аранку под уздцы, второй следил за Соколиной, всегда готовый подхватить, если будет падать. Сама она вцепилась в гриву и все силы сосредоточила на том, чтобы не упасть. Раза три останавливались, девушку снимали с седла и укладывали на травке передохнуть. Она мечтала, чтобы каким-нибудь чудом здесь оказалась Предслава – та придумает, что делать, чтобы не шла кровь, не раскалывалась голова, не болели ребра и все мышцы.

Наверное, она теперь вся в синяках. Какое счастье, что, кроме носа, других переломов нет, только ушибы и ссадины. И порванный рукав... Платье испорчено – а ведь только второй

раз надеда. Челядинки отстирают пятна крови, а потом надо отдать Предславе – она сумеет перекрасить. А еще лучше – прямо сейчас оказаться дома, на своей лежанке... о-ох, тошно!

Нос сломан... сломан нос... Как у отца... как у брата Мистины... У них обоих сломаны носы; люди шутят, что, мол, видно близких родичей. Соколина, при всех ее мальчишеских ухватках, не была равнодушна к своей красоте и не могла спокойно думать о ее потере.

– От я теперь красота буду нена...глядная, – прогундосила она. – Вся в батюшку...

– Не, не такая, – утешил ее Ольтур, опечаленный донельзя. – У них с Мистиной переломы были сбоку – ну, когда краем щита или еще чем в нос со стороны бьют и сносят. А у тебя удар пришелся прямо спереди, так ... может, горбинка останется, а может, ничего... Но ты не грусти – я тебя всякую любить буду.

Соколина не ответила. И обрадовалась про себя, что Хакон уехал и ничего этого не видел. Ни ее падения, ни распухшего красного лица. А потом еще будут синяки под глазами... хоть из дому не выходи. Добраться бы до него еще!

* * *

И вот Соколина дома. Охающие служанки раздели ее, уложили, еще раз умыли. Осинка пустился во весь дух в Искоростень за княгиней. Вот появилась Предслава – молчит, не причитает, шепотом распоряжается челядинками: греть воду, заваривать травы, делать примочки... Утешает больную и поругивает мужа-блудоумца: заигрался, чуть девку не загубил... Сует в руки кусочек льда из ледника, завернутый в чистую ветошку: приложи к носу.

Среди всех этих хлопот Предслава порой вдруг садилась на лавку и замирала, сложив руки на коленях и глядя куда-то в темный угол. Она с утра знала, что Логи-Хакон не поехал на лов, а отбыл обратно в Киев. А ведь у Володислава был какой-то замысел против него, для чего он хотел использовать и Соколину. «Придумал, с нами же девка поедет...». Володислав вызвал Соколину состязаться уже после того, как они с Маломиром обсуждали, как бы заставить Хакона скакать по нужной тропе...

Уж не надеялся ли Володислав, что Хакон поскачет за Соколиной! Таким образом он, Володислав, при помощи девушки приведет своего врага в ловушку! И конец его при этом будет выглядеть как бесславленным, так и естественным: погнался за девкой да убился. Бывает...

Но Логи-Хакон ускользнул. А удар приняла на себя Соколина. Предслава с трудом сдерживала жгучее желание, дождавшись мужа с охоты, встретить его с пестом в руках и хорошенько наломать бока. За семь лет замужества ни разу у них такого не бывало, но сегодня, если ее догадки верны, он это заслужил!

* * *

Но время шло, а ловцы все не ехали. Вот стемнело. Предслава несколько раз посылала в Искоростень: нет, и князь не вернулся. Она не знала, что делать: то ли оставаться с Соколиной, то ли идти домой к детям. Да куда же все пропали: Володислав, Свенельд с обеими дружинами? И не говорили заранее, что останутся в лесу ночевать...

Лишь ближе к полуночи, когда Соколина заснула, Предслава кликнула свою челядь и собралась домой. А выйдя к воротам, увидела впереди на дороге множество огней – факелы в руках медленно приближающегося шествия. Сперва она обрадовалась, потом встревожилась. Предслава стояла у ворот, желая поговорить со Свенельдом о несчастье с дочерью. Может, он потому так и задержался, что хотел на месте определить причину? Не подозревает ли он умысла? И на кого возлагает вину?

Сердце ёкало: а что если воевода уже вскрыл вину Володислава, и между ними произошла ссора? В груди разливался холод, и хотелось бежать навстречу медленно приближающимся огням. О боги, да что же они так ползут?

Ни криков, ни усталого хохота, который всегда сопровождал даже позднее возвращение ловцов. Тишина, лишь шорох шагов и конский топ – тоже медленный, угрюмый. Как страшный сон... Не в силах выдержать этой тишины, Предслава сделала несколько шагов вперед, из ворот...

Вот они уже рядом. Передние ряды дружины смотрят на нее и молчат. Лица замкнутые, осунувшиеся, будто из битвы идут. Ни поздоровается никто, ни похвастается добычей, ни пожалуется: дескать, голоден как волк, быка печеного съем...

За первыми рядами ехала волокуша. Добыча? Нет, волокуша не сильно нагружена, в ней, кажется, всего одна туша... никаких рогов... что-то темное... Медведь? При свете факелов не видно шкуры. Скорее это похоже на...

– Боги мои! – Предслава схватилась за грудь. – Это... это?

Перед ней остановился Сигге Сакс. Постоял, помолчал – то ли сам собирался с духом, то ли хотел ее подготовить. Его округлое, довольно полное лицо, рассеченное старым шрамом от правой стороны лба до нижней челюсти слева, в отблесках огня казалось постаревшим и суровым. Потом ответил:

– Воевода наш... Медведь заломал.

* * *

Ловчие князя Володислава знали, что в выбранном для загона участке ходят олени и косули, не считая разной мелочи. Они лишь не ведали, что за ночь туда подобрался медведь. Дичь выскакивала с широкой стороны лядины, попадая под стрелы и сулицы ловцов. Все смотрели туда, и поэтому Свенельд заметил бурюю тушу, на четырех лапах несущуюся прямо на него сбоку, когда та была уже совсем близко. Напуганный и разъяренный шумом и многолюдством, медведь шел на прорыв.

– Ого! – только и рявкнул Свенельд, подхватывая рогатину.

Он так и поехал с той, что обнаружил утром возле своей лежанки. Приготовил ее в расчете на кабанов, но и медведя встретил с охотой.

Вокруг раздались крики. В буроуго полетели стрелы. Частью они свистнули мимо, частью достигли цели, но стрелой медведя не остановить.

– Это мне! – крикнул Свенельд и в радостном азарте подался навстречу зверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.